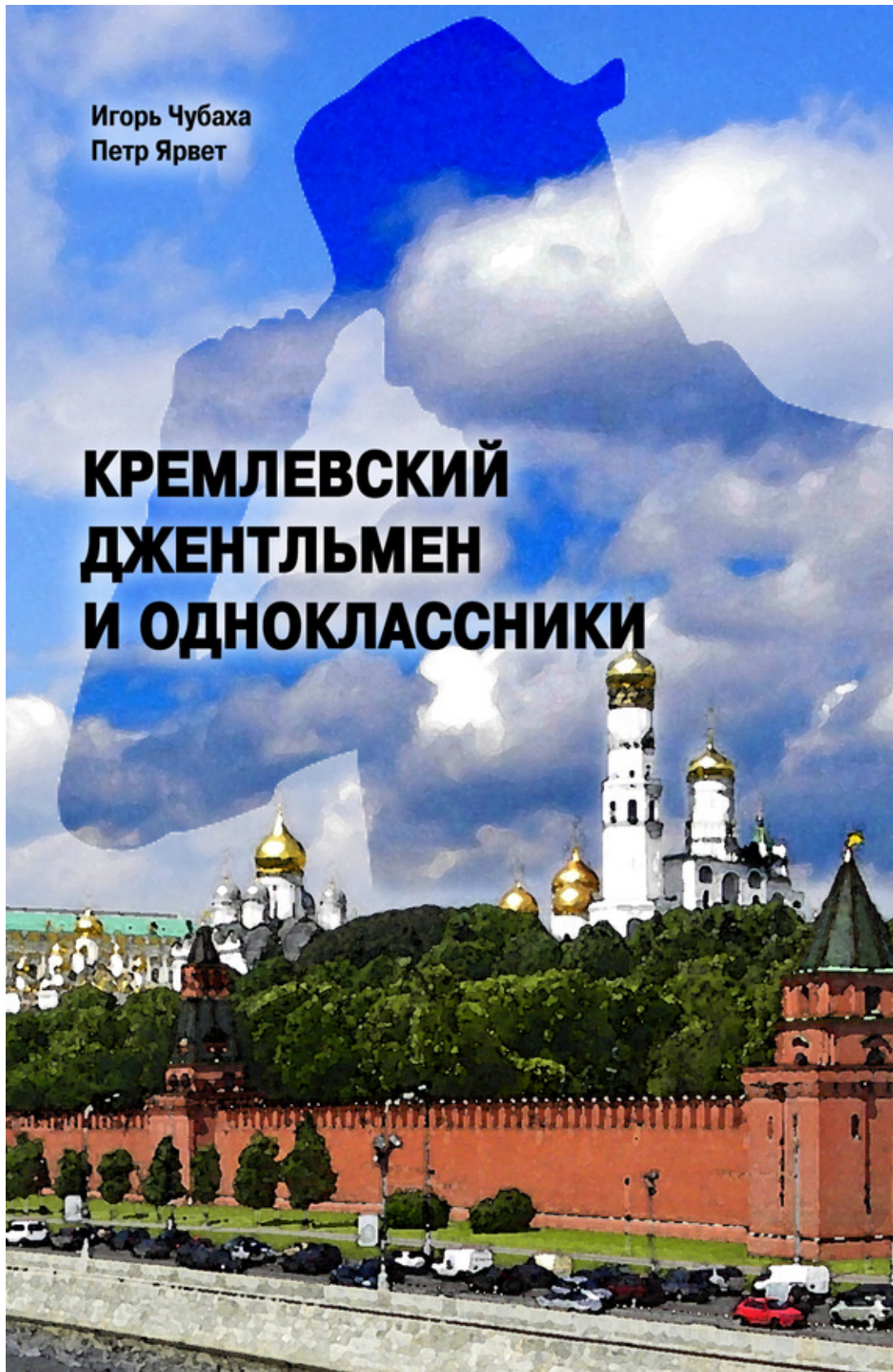

Игорь Чубаха
Петр Ярвет

КРЕМЛЕВСКИЙ ДЖЕНТЛЬМЕН И ОДНОКЛАСНИКИ

Игорь Викторович Чубаха
Петр Ярвет
Кремлевский джентльмен и Одноклассники

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3083825
Кремлевский джентльмен и Одноклассники: 2012*

Аннотация

Главный герой – сын то-ли премьера, то ли президента Российской Федерации. Ни больше – ни меньше, только в романе эти лица прямо не называются. Просто по сюжету в стране есть две слегка конкурирующие группы: сырьевики и инновационщики. И наш персонаж всеми привычно именуется Принцем.

И поскольку герою не приходится беспокоиться о хлебе насущном, развлекает он себя детективными расследованиями. Иногда крайне опасными для жизни. В частности, в этом романе он противостоит коварному злодею, запустившему механизм глобального потепления на планете.

Интересы следствия заставляют героев путешествовать и по России, и по континентам. Периодически рядом с Принцем возникает героиня – Тамара – дочь не менее высокопоставленного лица. Но зачем Тамаре возможности, которые дарит такой высокий статус, если ее Принц не обращает на девушку никакого внимания?

Бодро перемещаясь от одного места действия к другому, Принц успешно раскрывает теракт в Гималаях, серийные убийства в городке за полярным кругом и – уже в жаркой Африке – преступную схему по экспорту промышленного оборудования с привлечением сомалийских пиратов. Отказывается от должности руководителя Национального проекта «Русский Север» и от амурных приключений с регулярно влюбляющимися в него встречными – поперечными барышнями.

В результате Принц спасает Тамару из злодейских рук, а заодно и Лондон от тотального отравления генномодифицированными водорослями. То есть, если искать аналоги, то предлагаемый роман – не «Ромео и Джульета», а «Приключения принца Флоризеля».

И, естественно, в текст авторы постарались вложить столько же иронии, сколько в оригинальном «Флоризеле».

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	41
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Петр Ярвет, Игорь Чубаха

Кремлевский джентльмен

и Одноклассники

почти женский политический детектив

Пролог

Карнавал в Буэнос – Айресе отмечают весь февраль. Но Тамара наведалась в город не ради чужого праздника.

На карнавале отплясывают специально обученные артисты групп «мургас». Теперь Томка смогла бы их заткнуть за пояс – не зря же анонимно последний месяц мучилась и зубрила па сальсы и фламенко, RnB и Go#Go, то есть брала уроки танцев у трех хореографов Большого театра. Но не было у нее такой задачи, демонстрировать класс перед жителями чужой столицы... Если это не увидит он. Ее Принц.

Кстати, ради Принца она и посетила этот отдаленно напоминающий Париж латиноамериканский городок. По оперативным данным герой ее романа сейчас ошивается на приеме в одном из посольств близ площади Пласа де Мажьо. И не с верным своим адъютантом Вихорем разводит дипломатию, а с какой#го перуанской беллетристкой, прости, Господи. Приглашение на прием Тамаре организовали за пятнадцать минут. Жаль, туда нельзя нарядиться по – карнавальному, в перья и блески. А то бы она научила эту перуанскую клячу, что такое настоящая самба.

Но взятые уроки танцев, особенно обратное сальто в акробатическом рок – н-роле – были секретным оружием, победить Томка надеялась и без этого. Принц ее увидит, они бросятся друг другу в объятия и будут жить долго и счастливо.

– Здравствуйте.

– Буэнос диас! Комо эста?

– Муй бьен, – так подсказали те, кто организовывал приглашение. Всегда отвечай: «Муй бьен».

– Сегодня у нас вечеринка для своих. Будьте, как дома.

Только гостья вошла в парадный зал, настроение стало стремительно портиться. Оказывается, для своих – это как раз блески и перья. А Тамара, будто дура, упаковалась по офисной моде. Тридцатиминутный макияж для своего расчудесного Принца возводила...

Здание посольства строилось лет сто пятьдесят назад. В Москве полно особняков с похожей планировкой. Тамару нечаянно толкнули раз – другой. Действительно, это был не светский прием, а вечеринка, чтоб им ёгурта весь век не видать.

В руке Тамары появился бокал с пряным коктейлем. Попробовала. Жуть и гадость. Поставила, отпив всего чуть – чуть, на поднос симпатичному латиносу – официанту.

Не стоило пробовать коктейль в здешней толчее. Кондиционеры не справляются, кровь прилила к лицу, того и гляди, макияж поплывет. Тамара позволила оттеснить себя к окну, надеясь уточнить у своего отражения, что все в порядке.

– Тамара?

– Здесь есть, где умыться? – сказала она совсем не те слова, что приготовила к их встрече.

– Я так и думал, что ты придешь, – подарил Принц девушке свою знаменитую загадочную улыбку. И, скажите пожалуйста, что прячется за этими словами: ирония, радость,

досада? – Не дуйся на этих людей, – сказал Принц, галантно, под локоть провожая к дамской комнате. – Они не виноваты в твоём плохом настроении. Единственный виновник – я.

– И красавица из Перу.

– Зная, что появишься ты, я подсказал перуанской охотнице за светскими сплетнями более интересное занятие, чем посольский прием.

– Знакомый типаж, вокруг тебя традиционно выются охотницы за сплетнями. Она на тебя запала? А ты? – конечно, вместо этих слов следовало сказать совсем другие. Например: «Я по тебе скучала, а ты?». Но не умела Томка так беседовать.

– А я уже заказал билет домой, – мягко парировал Принц. Ну, хватит уже ему так улыбаться. – Кстати, ты где#то остановилась?

Если бы Тома не знала досконально героя своего романа, то приняла бы последнюю фразу за шаг навстречу. Но, увы, ничего кроме вежливости, слова Принца не скрывали.

– Переночую в российском посольстве.

– Тогда#то уж точно сплетен не избежать. Давай лучше у меня. Один знакомый уступил на месяц свою виллу. Хоть выспишься.

– А ты?

– Билет заказан на сегодня.

И, прекрасно сознавая, что в таком тоне говорить нельзя, Тамара спросила со своей не менее знаменитой ядовитой интонацией:

– Значит, ты, узнав, что я ищу тебя по всему Буэнос – Айресу, тут же из Буэнос – Айреса лыжи наострил!?!..

В общем, похвастаться перед Принцем, как лихо научилась танцевать, Тамаре не удалось.

Глава 1

Князь. Последний снегопад

Это последний снегопад, подумал он. Город утонул в белых пушистых хлопьях, город будто бы исчез. Но все, снега больше не будет.

Он стоял на ротонде роскошного отеля. Выше всех. меховой плащ надежно сохранял в тепле руки и плечи, мороз почти не чувствовался. Снег перестал идти, и в прозрачном сыром воздухе отлично были видны огни города внизу, и подсвеченные беспорядочной суетой этих огней низкие косматые облака над головой.

Он ненавидел этот город, огромный и плоский, где взгляду не за что зацепиться. Тот, кто любит стоять выше других, вполне закономерно будет предпочитать отели – современные высотные отели, чтобы из простого президентского люкса на сороковом этаже открывался вид на сорок километров до горизонта. И можно было постоять ближе к полуночи спокойно, неподвижно, с бокалом «Токая» в руке.

Но в этом захолустье, в этой, так называемой, «Северной столице», нет отелей в сорок этажей. Размером город почти с Москву, вот только морской залив отъел ему левый бок... Город не тянется вверх, а стелется низом, словно болотные мхи и лишайники, на которых же и вырос.

Большие здания тут не держит земля, и даже на знаменитом Невском проспекте домишки всего#то в шесть, редко где семь этажей. Глухая провинция, казалось бы. Но только не произносите здесь этого слова вслух. Сырой, дождливый, многомиллионный Санкт – Петербург при рождении наречен столицей, а то, что запоминаешь в детстве, не забывается никогда. Этот город умудряется гордиться всем – своими островами, торчащими по ночам в небо мостами, своими куцыми куполами и шпилями. Даже тем, что он самый северный миллионер на планете. По населению, конечно же.

Ничего, ненадолго.

Он почувствовал, как теплая точка ожила на его запястье, будто одна из запонок безупречной белой рубашки, мурлыкая, прильнула к руке. Привычным движением он поднес руку к уху и сказал негромко:

– Это Князь. Слушаю вас, ребята.

– Нужный вам человек прибывает, Князь, – сказал хрипловатый, но очень почтительный голос.

– Ненужный мне человек, – спокойно поправил Князь.

Потом сгреб с балюстрады хрупкий снежок, скатал в кожаных перчаточных ладонях белый снежный комочек и запустил прямо в небо, в лиловые облака. Снег оказался пропитан водой, и, исчезая за скатом крыши, брызнул мелкими каплями, в которых отразились маленькие радуги от городских огней.

«Терминал Пулково-2», громко сказано. В этом городе даже пассажира из Лондона встречает павильон, похожий на какое#нибудь кафе в парке культуры и отдыха. Хотя это и правильно. Что такое пассажир из Лондона, в конце концов?

Князь тронул толстое, почти непрозрачное стекло, заменившее стену в самых верхних апартаментах отеля. Ключ от этих покоев вам не выдадут на ресепшен. Даже будь вы трижды президент Анголы, или Пласидо Доминго, дорога сюда вам заказана. Нет, вас не обидят, вам кокетливо покажут президентский вензель над изголовьем вашей двуспальной койки, позолоту на дверных ручках, и ванну натурального мрамора. А на вопрос, что находится этажом выше, любой порядочный коридорный ответит – крыша. Хотя это не совсем так.

Внутри – сразу уютный полумрак, который отгорожен от снегопада прозрачными стенами. Стекло такого цвета, какой бывает у кофе, заваренного с мускатом и каплей лимонного сока. Запах этого кофе витает над просторной затемненной гостиной. Только пламя в газовом камине бьется синими змейками. И маячит огромный, похожий на домашний кинотеатр монитор. И тихо рдеет огонек переговорного устройства у двери.

В апартаментах Князя ждали трое. И, как всегда, в молчании.

– Ну, как дела, ребята?

– Цель прибывает из Москвы авиарейсом, Князь, – сказал сидевший у дверей на складном стуле человек. Широкоплечий, на редкость некрасивый и конопатый. Одетый в черный свитер, он был совершенно спокоен.

– Спасибо, Рыжий, я уже знаю.

На экране компьютера что-то взрывалось и горело. Бесшумно. Мальчик лет одиннадцати отвернулся от этого захватывающего действия лишь на секунду, сказал:

– Ну шас, ну шас, у меня тут патроны кончаются... – и снова застучал по клавишам, порулил куда-то мышкой.

– Не торопись, Ленечка, у нас есть время, – ласково сказал Князь.

Возле уютно потрескивающего камина стоял прозрачный стеклянный столик, а на нем стакан с мутновато – черной жидкостью – кофе с мускатом. За кофе протянул руку третий из «ребят» – здоровенный мужчина лет сорока, в отлично сшитом, но чуть броском костюме. Зеленоватый оттенок пиджака, сочетался с галстуком светлого, почти салатного цвета. Темным с проседью волосам здоровяка отсвет галстука придавал оттенок болотной тины. Словно топором вырубленное, рано покрывшееся морщинами лицо с чуть раскосыми глазами; жестокая складка возле углов губ выдавали характер властный и нетерпеливый.

– У нас много времени, Князь? Может быть, я не нужен сегодня?

– Ты очень нужен сегодня, Робертас.

Князь произнес имя нарочито правильно, не так, как записано в паспорте, а так, как значится в многочисленных, правда давно отправленных в архив рапортах о боевых операциях. Роберт Юшкаускас, или, как его чаще называли в этом городе, Прибалт, любил уважительное обхождение, и терпеть не мог, когда кто-то насмехался над его отчетливым акцентом – долгие согласные, и слишком шипящее «с». Правда, в этом городе давно уже никто не рисковал насмехаться над Прибалтом.

Юшкаускас отхлебнул кофе и поморщился, непривычный, а вернее неспособный к оценке тонких вкусовых ощущений.

– Мои эстонцы ждут в аэропорту, Князь. Одеты в милицейскую форму.

Мальчик расхохотался. Так искренне и звонко, что стучать по клавишам уже не мог, и немедленно на мониторе расцвел бело – красный взрыв, который сменился черным полощущимся на ветру флагом с объемными черепом и костями. «Гейм овер», подумал Князь. И это хорошо, что Ленечка так бестрепетно позволяет себе проиграть в дурацкую компьютерную стрелялку. Полезно, когда основы взрослой жизни познаются ребенком в игровой форме. Легче воспринять действительность.

– Почему эстонцы, дядя Прибалт?

Прибалт обернулся в недоумении. Если в город прибыл Князь, и срочно просит приехать в отель, наверное, Князю виднее, что за дети тут тихо сидят в уголке. Значит, так надо. Но если эти дети задают вопросы Прибалту... Юшкаускас присмотрелся повнимательнее. Ребенок был худощав и довольно заморен с виду. Костюмчик, похожий на маскарадное одеяние юнги, шит у итальянского киндер – модельера. А гладкие волосы цветом, разрез глаз, форма носа кого-то смутно напоминают.

Прибалт улыбнулся подростку, потом Князю, стараясь показать, что не жлоб, что шутку понимает.

– Вот, Ленечка, – сказал Князь: – наш друг Прибалт предлагает своих эстонцев. Люди они надежные и очень проворные в стрельбе. Одеты в милицейскую форму, они производят арест в аэропорту, а потом везут на бензоколонку, есть у них такая, и там в подвале, добывают информацию...

– Глупо! – радостно выпалил Ленечка, – Очень даже глупо и нелепо. Мы же не бандиты, дядя Прибалт!

– В подвале не бензоколонки, – нервно хрустнув пальцами, поправил Юшкаускас, – а в подвале автомойки...

Юшкаускас смотрел прямо в глаза мальчику, и во взгляде его было нечто, что давно уже отучило каждого в этом городе говорить «Глупо, дядя Прибалт!». Это хорошо, подумал Князь, это полезно. Пусть Ленечка почувствует, в чем разница между злодеями, которых он каждый день в своем компьютере, ноутбуке, телефоне сводит на нет, и таким вот дядей Прибалтом. Но Ленечка, похоже, не прочувствовал.

– Всегда и обо всем можно договориться! – назидательно объяснил он Юшкаускасу, который невольно посмотрел на колышущийся за спиной ребенка пиратский флаг: – Верно, дядя Князь?

– Молодец, Ленечка! И спасибо, Робертас. Я высоко ценю твоих эстонцев, но сегодня они нам не нужны.

– Цель берет такси в аэропорту, – скромно сообщил Рыжий. Внимательно, без единой улыбки он выслушал всю беседу, и – Князь знал это – при необходимости сможет повторить слово в слово.

Прибалт поставил стакан на столик и поднялся в полный рост. Он был высоченный и квадратный, похож на крестьянина, который приехал на выходные в город, надев лучший костюм и положив в карман все сбережения, которые обычно хранит за притолокой. Но Князь знал, что внешность обманчива, что Прибалт очень хорошо умеет и слушать, и понимать. Иначе бы Князь не обратился к Прибалту.

– На шоссе из аэропорта его тоже ждут, – литовец пожал широкими плечами: – За рулем мастер спорта по автокроссу. Рядом специалист по слежке, и по электронным спецсредствам. Мои латыши.

– А я уж думал, латышские стрелки... – ехидно заметил Ленечка.

– Какой у тебя развитой ребенок, – сказал Юшкаускас, пытаясь отгадать, отчего цвет волос малолетнего наглеца кажется знакомым. И вспомнил. И сразу понял, почему в просторной, жарко натопленной гостиной воцарилась неприятная тишина. Рыжий чуть неодобрительно покачал головой. Это ж надо такое ляпнуть...

– Это не мой сын, – сухо заметил Князь. – Ленечка, ты выключи игру. Мы сейчас уже на старте.

– Сестра уехала, – пояснил Ленечка, все с той же непосредственностью повернувшись к Прибалту спиной. И, наклонившись над клавиатурой, продолжал обращаться именно к нему, по – свойски, по – přátельски. – А дядю Князя попросила присмотреть. А у него вдруг дела. Я поканючил, и он меня с собою взял...

Очень раскованный пацан, подумал Юшкаускас, мы такими не были. Почему#то вспомнилась ему сказка, давно, еще на бабкином хуторе слышанная, про смелого литовского рыцаря, который забрел в хрустальный замок, а там два черта старых, и один чертененок. Ерунда, суеверие.

– Цель поменяла такси.

– Снимай наше наблюдение, Рыжий. Дальше его поведут отлично подготовленные латыши нашего друга Робертаса, – сказал Князь и слегка даже поклонился, как и полагается гостю, не желающему лезть в чужой монастырь со своим уставом. – Одевайся, Ленечка, потеплее. Сестра просила, чтобы я последил. И я последжу.

– А вы не боитесь, дядя Князь? – мальчик сегодня, может оттого, что очень в первом часу ночи спать хочется, явно напрашивался на воспитательный окрик. – Не боитесь, что ваша Цель нырнет в метро, и уйдет от ребят на машине, будь они хоть Шумахерами?

Князь усмехнулся, потрепал мальчишку по голове, а потом залепил не очень сильный, но чувствительный щелбан прямо в дерзко задранный нос.

– Лажанулся. В этом городе метро закрывается не как у всех нормальных людей, а на час раньше, потому что жадные, электричество экономят. Книжки надо читать, а не только интернет... Шарф не забудь. Не «ну – у», а не забудь шарф. Рыжий, проследи.

Ленечка не обиделся. Потирая нос, выбежал в переднюю, самую по себе размером со среднестатистическую отельную гостиную, и стал там с грохотом искать ботинки. Сестры нет, и он нарочно наденет лыжные, в них удобнее, и никто не переспорит.

– Я не понимаю, – тихо, но твердо сказал Юшкаускас: – я не вижу смысл.

Когда обычно невозмутимый Прибалт волновался или злился (что, в общем-то одно и то же), его вполне правильная речь начинала напоминать тайную исповедь в католическом костеле, зловещую и свистящую. Многим знание этой несложной приметы спасало здоровье, а порой и жизнь.

– Ты играешь в шахматы, Робертас? – так же тихо спросил Князь: – Ведь играл. В лихой юности ты ходил в чемпионах округа, верно? Так скажи мне, можешь снять пешку с доски, Робертас? Вот представь себе, идет партия. Тебе очень нужно, чтобы этой пешки на доске не было. И ты протягиваешь руку и убираешь ее, бедную. Ты так поступишь, Робертас? Есть в этом смысл?

Бледные щеки Юшкаускаса залились краской. Но Князь есть Князь.

– Ты знаешь, кто я такой, Робертас. Если бы я хотел, чтобы этого человека убили, или выбили из него информацию, я бы не приехал сам и тебя беспокоить бы не стал. Я нашел бы людей, которые сделают. Но мне нужно не это. Мне нужно, чтобы перед приехавшим в этом городе не открылась ни одна дверь. За остальные города этой маленькой планеты я и так спокоен. Но здесь мне нужна твоя помощь, Робертас. Без твоего слова здесь не открывается ни распоследний притон, ни приемная губернатора.

Багровая краска на зеленоватых щеках Прибалта сменилась здоровым румянцем. Видно, доброе слово и литовцу приятно, подумал Князь. И еще раз подумал, как он ненавидит этот город. Болото.

– Поедем на моей машине, Князь? Я позвоню шоферу.

– Шофера не надо, – громко сказал Рыжий из передней. Внимательно и критично, как опытный воспитатель детсада, он осматривал Ленечку. Поправил шарф и рукава, задравшись под курткой. Мальчик возражать не стал, как не возражает десантник старшине, проверяющему укладку парашюта, и Рыжий подмигнул ему, доверительно пояснив: – я прекрасно вожу машины всех типов, кроме асфальтовых катков.

Литовец нажал кнопку в малахитовой колонне. Заметить ее было непросто, но жизненный опыт – не хвост собачий. И кнопку эту Роберт Юшкаускас заметил сразу, как только поднялся из паркинга отеля на бесшумном лифте. Впрочем мысли о кнопке меньше всего мучили сейчас главу союза отставных офицеров спецслужб, а в прошлом одного из чемпионов военного округа не только по шахматам, но и по рукопашному бою, и по затяжным прыжкам, и по... Бывшего командира лучшей разведроты 34-й воздушной армии Краснознаменного Закавказского военного округа.

Ведь по чьей другой просьбе Роберт ни за что не поехал бы темной, слякотной ночью пусть даже и в роскошный отель. Не поднял бы по тревоге и без объяснений своих эстонцев, латышей, и еще дюжину других своих подчиненных. Но нет, вызов не оказался ложным. А причуды – что ж, Князь имеет на них право.

Рыжий вторым вошел в просторную, как летний шатер с продажей пива «Карлсберг», и украшенную зеркалом в тяжелой дубовой раме кабину лифта. Он не сменил своего черного свитера, но в руках нес странное – небольшой старомодный саквояж бежевой кожи. Как будто собирался выдать себя за чеховского интеллигента – доктора. Ленечка вбежал следом, досадливо сдул с лица пушистый мех капюшона, и, полный дружелюбия, пихнул своим слабым кулачком в железный даже под пиджаком трицепс Юшкаускаса.

– Шофера не надо! – повторил он серьезно, как будто верил, что сам тут отдает распоряжения: – дядя Князь не хочет, чтобы его видели. Потому и обратился к вам, дядя Прибалт...

– Что бы я без тебя делал, племянничек, как бы жил! – с сильным акцентом проговорил «дядя Прибалт», протянул руку и указательным пальцем ткнул в нос Ленечки: – Ди – линь!

Князь развязал шелковую тесьму под ключицами. Позволил плащу, отороченному мехом чернобурки, соскользнуть с плеч на пол – вещь теплая, но годится только для стояния на крыше. Под плащом оказался френч, и тоже черного цвета – практичная неброская одежда для ночных прогулок на автомобиле...

Снежная каша расплзалась под колесами где-то там снаружи. Внутри салона комфортной температуры воздух пах кашемиром и выделанной телячьей кожей. Он жаркий, но его не замечаешь. Автомобиль темный и неприметный с виду. Никаких синих ведерок на крыше, никакой тонировки лобового стекла. Дорогая одежда всегда выглядит неброско.

Рыжий стянул свитер, остался в черной рубашке, и вел машину виртуозно. Улицы снаружи мелькали, как нарисованные – темные силуэты крыш с метровыми веретенopodobными сосульками, потом сразу – без перехода – залитый белыми огнями, очарованный движущейся рекламой проспект. Обледеный асфальт у бордюров, в этом городе их называют поребриками. Поворот на светофоре. Узкая, щель между домами. Двор с двумя одинокими лампочками над подъездами, кирпичный брандмауэр, Нерастаявшая пока корка снега отражала блики, подсвечивала. Снова узкая, длинная улица. Мало светящихся окон, еще меньше людей. Автомобиль затормозил.

– Человек уезжает из города, где родился, – сказал Князь: – он много и честно работает, он добывает деньги своим умом и талантом. Он обосновывается за границей и живет мечтами о достатке и славе. В один прекрасный день он оставляет все. Он ездит из города в город, из страны в страну. Возвращается на родину, мечется по столице. И в конце концов он снова здесь, Ленечка. Как ты думаешь, почему?

Сидевший на переднем сиденье рядом с шофером Юшкаускас прижал к уху примитивный, без фотокамеры и полифонии, мобильник и отдал пару коротких, как приказы, распоряжений. Потом склонился к лобовому стеклу, и сделав козырек из ладоней, взгляделся в слабо освещенную редкими фонарями ночь.

Человек шел по обледенелому тротуару очень еще далеко. Руки в карманах, среднего роста, неприметный. Усталая походка, усталые плечи.

– На этой улице единственное заведение ООО «Кувалда», – сказал Прибалт: – больше тут идти некуда.

– Связь есть? – привычно уточнил Рыжий.

– А сам как думаешь? – огрызнулся литовец: – Всюду есть, а тут вот нету, да?

Князь откинулся на кожаное сиденье и преувеличенно вздохнул. Ленечка сочувственный вздох понял, недовольно наморщил нос. Помахал в воздухе «заячьими ушками», напоминая:

– Два раза, дядя Князь. Не три.

– Я помню, что два. Один шлобан за предположение о том, что подзащитный бросится в ближайшее отделение милиции, и еще один за то, что плохо слушаешь...

Щелчки по носу Ленечка получил не очень сильные, скорее обидные.

– Ты тоже не угадал! – запротестовал он: – я хорошо слушаю, ты сказал «не забывай о чувстве дружбы». А он пришел в «Кувалду». А что такое «Кувалда», дядя Прибалт? Это частные сыщики? Или охрана?

– Это подпольное казино, – сказал Рыжий, разглядывая железную дверь без вывески, окруженную, однако же разноцветными бегущими огнями.¹

Однообразие глухих, забранных решетками этажей в старых домах нарушало кокетливое крылечко со скользкими гранитными ступенями. Выше призывно мигали и переливались волной желтые и красные лампочки. На крыше дома покосились тусклые буквы Hotel, хотя с первого взгляда было видно, что на верхних этажах не живет никто.

Человек стоял на скользком крылечке. Одной рукой он дергал за холодную ручку двери под почти не видной на стекле надписью «открыто круглосуточно», другой прижимал к уху сотовый телефон. Рыжий посмотрел на сенсорный экран, удобно расположенный справа от рулевой колонки, потом вопросительно на Юшкаускаса? Тот махнул рукой – мол: разбираешься, хозяйничай.

– Есть перехват, – сказал Рыжий, и тут же тихая мелодия джаза, звучавшая до того в машине, смолкла, а вместо нее ворвалось дыхание. Сиплое дыхание человека, который пробежал уже не одну стометровку, но подозревает, что марафон еще впереди, и звонит по сотовому в последней надежде, что бежит эстафету, что его кто-то сменит, или хотя бы воды принесет.

– Значит... – упавшим голосом повторил тот, кто стоял на крыльце: – Вы говорите, что больше тут не работает... И телефона вы не знаете... Да неважно, кто спрашивает... А можно я все-таки найду? Ах вы закрыты... У вас воду отключили. А могу я обратиться к вам с не совсем обычной просьбой? Я...

– Пусть вешает трубку! – приказал Юшкаускас в свой ободранный телефон.

Рыжий невольно подумал, что даже у беглеца там, на ледяной ночной улице, и то сотовый поновее. Однако же беглеца это совершенно не радовало. Послушав короткие гудки в трубке, Цель ссутулилась еще больше и побрела к такси, которое, нетерпеливо пофыркивая, ждало в конце улицы. Вполне могло уже и не ждать.

– Человек думает, что у него есть друзья, – сказал Князь: – человек инстинктивно помнит о них, забывая, что прошло время. Что, пока добывал деньги талантом и трудом, он поменялся, и друзья тоже поменялись. И что не поможет ему бывший одноклассник, владелец подпольного казано «Кувалда».

– Через десять минут можете открывать, – говорил в свой телефон Юшкаускас: – расслабься, он на тачке, его тут не будет через пять. А что клиентура? А клиентуре скажи, что облава. А на этот случай два вторых входа иметь надо. Учись, салага. Да не за что.

– А чего у вас телефон такой старый? – спросил Ленечка, потирая нос. С досады спросил.

¹ <http://www.bn.ru/articles/2011/01/28/79833.html>. ...За минувший год залы игровых аппаратов открывались с завидной периодичностью. По данным аналитиков рынка недвижимости, в структуре заявок на аренду помещений игровые операторы входили в пятерку, создавая десятую часть от всего спроса на помещения street#retail..... Тот факт, что в городе игорные заведения действуют до сих пор, не отрицает никто. Вместо казино и залов с игровыми автоматами в город пришли лотерейные и «игровые» интернет – клубы. Сменилась вывеска, но суть осталась прежней. Кроме того, действуют «казино на дому». «В свое время в российском игорном бизнесе крутилось \$6–8 млрд. Теперь эти средства ушли в подполье. И никакими штрафами в 300 тыс. руб. или лишением свободы на один год людей не испугаешь.....» «Действительно, в городе расплодилось покерные клубы и лотереи. Появились казино на дому. Это просто издевательство над законом, – негодует депутат петербургского ЗакСобрания Игорь Риммер. – Необходимо внести всего лишь пару поправок и вопрос будет закрыт»..... Власти предложили игорным операторам не отказываться от бизнеса, а перевести его в специальные зоны. Только вот местоположение этих зон игроков рынка не устроило. Перенести заведения в Приморский и Алтайский край, Калининградскую область, на границу Краснодарского края и Ростовской области никто не захотел. Спустя год после принятия закона зоны так и остаются практически неосвоенными...

– А он у меня давно, я привык, – хладнокровно сказал Прибалт. Достал из бардачка пару мандаринов и почти не глядя кинул на заднее сиденье.

Мальчик поймал оба и поглядев на широкую спину литовца с некоторым уважением, открыл пепельницу, чтоб было куда кидать кожуру. В машине запахло Новым годом.

– Делайте ваши ставки, – сказал Рыжий, выруливая мимо казино «Кувалда».

Мальчик только того и ждал. Сразу протянул растопыренную ладошку и торопливо, как говорят дети, когда им кажется, что они поняли, или хотя бы заучили наизусть решение задачи, выпалил:

– Человек думает, что, даже если не осталось друзей, у него еще остались те, кто его защитят. Это закон, но он не верит в закон, потому что полиция пяти стран и прокуратура России не стали с ним разговаривать. Это власть, но сейчас два часа ночи, и он не пойдет на прием к губернатору. Это пресса... Дядя Князь! На три щелбана! Радио, телевиденье, газета!

Князь усмехнулся. Мальчик очень азартен, когда чувствует близкий выигрыш. И точно так же опытный игрок может прочесть масти его карт, отразившиеся прямо в широко раскрытых глазах. Это не проблема. В одиннадцать лет еще не поздно учиться блефовать.

– Пас, Ленечка. Выводы верные. Но слишком очевидно. Не принимаю ставку.

Юшкаускас обернулся к беседующим через спинку переднего сиденья. Удивительно искренним злорадством светились его глаза, когда он, на правах гостеприимного хозяина пользуясь некоторым послаблением правил хорошего тона, показал Ленечке крепко стиснутый желтоватыми зубами кончик языка:

– Цель велела таксисту ехать на телевиденье.

– Он у вас с войны, что ли? – неприветливо осведомился Ленечка, кивая на допотопный телефон. Но настроение Прибалту было уже не испортить.

– Верно. Я служил в Эс Эс. Но меня выгнали за жестокость, – по – свойски сообщил тот. Рыжий вежливо тронул его за плечо, и посоветовал:

– Пристегнитесь, Прибалт.

Красные фары, и ярко – голубой неон вокруг номера авто, растаяли в ночи, унося странный квартет по проспекту. Юшкаускас сначала недобро оскалился, как бы говоря, что в советах не нуждается, но на Троицком мосту, невольно потянул ремень безопасности на себя, когда показалось, что машина сейчас взмоет в небо и сшибет ангела со шпилья Петропавловки. Чтобы затормозить, пришлось проехать почти весь Каменноостровский, впрочем, туда, в конец и надо.

С веток деревьев опадали пласты снега. Небо приняло фиолетовый оттенок, и в нем, словно на пороге райского казино, мигала разноцветными лампочками телевышка. Кубическое здание телецентра казалось погруженным во мрак, но Князь знал, что именно сейчас, ночью, там клепают новости, веселые шоу и серьезные программы о том, как нам жить дальше. Всю ту информационную вермишель «Доширак», что уготована огромной стране здесь, в этом болотном захолустье.

– Нет, я ни с кем не договаривался... – говорил все тот же голос. И в этом голосе слышалась и безнадюга, и несколько бессонных, в аэропортах проведенных ночей, и элементарно промокшая в снежной крошке обувь: – но это новость. Это сенсационная новость. Я боюсь, что не смогу прийти завтра. Я боюсь...

Он уже не говорил, а кричал, потому что его тащили по ступеням лестницы два дюжих охранника в одинаковых черных костюмах, с надписью «Security» и полярной звездой меж лопаток.

– Ладно! Черт с вами, вы не ведаете, что творите! Но вы хоть посмотрите на снег. Ведь это может быть последний снегопад! – несчастный договорил, уже сползая по мраморной лестнице в сугроб, прибитый под вечер лопатами радивых дворников.

– Тут работы много не потребовалось, – заметил Юшкаускас и позволил себе угоститься следующим мандарином, кожуру аккуратно выбрасывая в открытое окно. Не в укор гостям, а просто так удобнее. – тут ведомый сам сделал все, чтобы его посчитали за психа. Сейчас ему лучший друг скажет – иди проспись.

– Человек чувствует, – сказал Князь, задумчиво, словно, припоминая древний эпос, цитировал по памяти, – что родной город не поможет. Двери закрыты на замки, трамваи не ходят, и даже такси сейчас уедет.

И правда. Таксист уже включил зеленый глаз, и выворачивал из сугробов, но промокший насквозь человек в плаще и легких, не по погоде ботинках все#таки успел распахнуть дверцу, и некоторое время они там о чем#то пререкались.

– У него деньги кончаются, – сказал Рыжий: – торгуются о том, до куда ехать.

– И все#таки, – Князь обращался только к мальчику, жестом как бы призывая в свидетели остальных собеседников: – это еще не отчаяние. Ведь пока человек жив, у него остается память, прошлое, юность. Сейчас мы с вами увидим район детства нашего подзащитного.

На этот раз два автомобиля кружили по городу медленно, не нарушая правил ночного движения в снегопад при плюсовой температуре. Проехали мимо таинственно застывшего у гранитной набережной напротив лазоревого особняка легендарного крейсера. Оставили слева темно – красное старинное здание городской тюрьмы. Такси снова забралось на мост, и притормозило возле огромного здания правильной геометрической формы, с огромными антеннами и государственным флагом на крыше.

– Это Большой дом! – четко, как на экзамене сказал мальчик: – милицееское городское управление. По легенде кроме десяти этажей вверх, под зданием есть десять этажей подземных камер, где сидели в свое время Гумилев, Бродский и Кинчев...

Князь, не глядя, влепил ему дружеский щелчок по носу, прерывая непрошенную лекцию:

– Это ты, брат, опять лажанулся. Верно, было тут милицееское управление. Да только выгнали отсюда милицию. А теперь владелец у здания один, Федеральная Служба Безопасности России. Не туда ли?..

Пассажир вылез из такси, стоя на тротуаре, порылся в бумажнике, сунул пару купюр водителю и махнул рукой, проваливай мол. Немного дальше припарковался навороченный джип с бампером, которым можно при желании прижать к стене небольшого слона.

– Скажи, Робертас, – дружелюбно осведомился Князь, пристально глядя через открытое окно – а вооружены твои опытные латыши, наверное, авиационными пулеметами и гранатометом типа «Муха»?

– А вот надумает он сейчас перейти улицу, – недобро пообещал Прибалт, – и увидишь, чем вооружены.

Но человек, которого называли Целью, не пошел через улицу. Он долго стоял, сунув руки в карманы, словно любовался зловещим логовом контрразведки с чисто архитектурной точки зрения. При этом слегка покачивался с пятки на носок. То ли сосредоточенное размышление, то ли философское спокойствие. То ли дикая усталость и ноги уже не держат.

Наконец, он пошел прочь.

Светофоры на проспекте мигали желтым, и машин к трем часам ночи города почти не осталось. В призматический бинокль было отлично видно, как слегка сутулая фигура удаляется по узкой тропинке, протоптанной между фонарями бульвара и большими рыхлыми сугробами, которые еще вечером выглядели скамейками. Если уходить от слежки, то сейчас, подумал Князь, в этом городе каждый двор проходной.

Но этого не произошло. Фигура спустилась в занюханный полуподвальчик под вывеской яркой, как апельсин.

– Интернет – клуб, – заметил Прибалт и заговорил – зашептал в свой телефон, как будто срочно вызывал католического ксендза для очередной исповеди.

– Можно по ай – пи заблокировать, – внес предложение Ленечка.

– Вот это уже похоже на отчаяние, – задумчиво сказал Князь, откинувшись на спинку кресла и прикрыв глаза: – Отчаяние, это когда ты, порыскав по миру, возвращаешься домой. И убедившись, что дома тебя не ждут, выходишь в мировую паутину. Там с тобой поговорят. Там тебя поймут.

Оранжевая вывеска погасла.

– Провода перерезали? – понимающе уточнил Рыжий.

– Зачем? – пожал плечами Прибалт: – профилактические работы на подстанции.

– Запоминай, Ленечка. – продолжал Князь: – В такие минуты и правда кажется, что весь мир идет на тебя войной. Будто бы нарочно перегорают лампочки, шарахаются девушки, с которыми заговорил на улице, кончаются чернила в авторучке, и останавливаются часы «Сейко», купленные по случаю. Ты готов поверить в злой рок. Или в зловещий заговор, жертва которого – ты сам... – И, говоря все эти умные слова, Князь невольно себя спросил, а какие чувства сейчас испытывал бы Прибалт, узнав, что это за мальчишка в машине. Узнав, чей это сын. Но вопрос был лишним. Прибалту такое знать не полагалось в принципе.

Унылая фигура выбралась из подвала и свернула в проходной двор.

– Камерас... – отчетливо проговорил Роберт Юшкаускас тоном беспрекословного приказка.

Экран на приборной доске автомобиля сменил цвет, засветился, выдавая блеклую, но отчетливую картинку с камер наблюдения. Из кадра в кадр по заснеженным дворам от подворотни к подворотне двигалась знакомая фигура. Было очень уютно сидеть в пахнущем мандаринами тепле и наблюдать.

– А вот и дворы его детства, – сказал Рыжий.

Человек, который был Целью, шел через дворы, то и дело трогая стены рукой. Видимо, это должно было означать – здесь первая сигарета, здесь первый поцелуй. А здесь просто скамейка, поломанная, с тремя досками в спинке. На ней так удобно было сидеть с ногами, жевать соленый арахис, купленный потому, что на пиво не хватило. И трепаться, смотреть в небо, и кормить арахисом ленивых серых голубей. И все это вместо контрольной по алгебре, которую все равно не знаешь... Давно это было.

Теперь дворы тоже поменялись. На всех подъездах (в этом городе говорят бессмысленное «парадная», даже если дверь в подъезд находится в третьем дворе с помойкой, некстати вспомнил Князь), кодовые замки, не войти. Да и большая часть подворотен перегорожена железными решетками. Эти подворотни человек оглядывал узнавающим, но безнадежным взглядом.

Ведь некуда бежать. Много ли толку будет забраться на мокрую крышу, и дрожа от ужаса всеми своими лишними килограммами спрыгнуть по другую сторону гаража, вывихнув при этом ногу? Много ли толку залезть на захламленный, грязный, пахнущий бомжами чердак, чтобы через два дня вылезти оттуда все на ту же улицу голодным, небритым, зачумленным. Некуда прятаться.

– Вот это уже отчаяние, – сам с собой согласился Князь. – Пора готовить встречу.

Они завернули за два угла и Рыжий по молчаливому кивку Роберта мигнул фарами. Солидная чугунная решетка бесшумно отворилась. Машина въехала во двор.

Отнюдь не двор – колодец, еще один предмет необъяснимой гордости местных жителей и вечный источник клаустрофобии любого нормального человека. Нет, этот двор был огромен и прекрасен, хотя и плохо освещен. В нем помещались детская площадка, и школа, еще несколько одноэтажных домиков, бывшая прачечная и трансформаторная будка.

Но, главное, тут были деревья. Старые, разлапистые. Они росли многие годы привольно и широко, словно помещичьи сынки, состарившиеся в своем имении и никогда не выдавшие ни маршировки на плацу, ни балов с расфранченными лакеями. Сейчас все черные ветви, казавшиеся нарисованными на фиолетовом небе, были обведены белым.

– По дворам он выйдет сюда, – сказал Прибалт.

– Давай, Рыжий.

Роберт Юшкаускас с интересом смотрел, как Рыжий достает свой дурацкий саквояж и аккуратно щелкает замочками. Прибалт не хотел бы заключать пари на щелбаны, и все же невольно попытался угадать. Пожалуй, израильский пистолет – пулемет «Узи» сюда поместился бы. Или заурядный «Глок», такой, как у меня? Ну, не музейный же «Маузер», в самом деле?

Внутри саквояжа оказался белый шелк, сияющий так, что в машине потянуло холодком. В ледяном белом свете лежала темная бутылка изысканной формы и три бокала для вина. Жестом опытного бармена Рыжий извлек все это хозяйство, и тогда Князь протянул руку и достал из особого кармана то, к чему драгоценное вино очевидно лишь прилагалось, как приятный, но необязательный бонус.

– Сенсорный? – мгновенно спросил Ленечка.

Современные дети любят задавать вопросы о сотовых телефонах так же, как мы спрашивали о магнитофонах и мотоциклах, подумал Князь.

– А вот посмотри...

Мальчик взял в руки телефон... Что#то вроде телефона. Черный, тонкий, легкий. Экран есть. Камеры нет. Благородная простота, свойственная очень дорогим аппаратам, тем, что не нуждаются в сочетании функций телевизора, плеера и телескопа для того, чтобы быть Очень Дорогими Аппаратами.

– А как номер набирать#то? – удивился Ленечка и наморщил нос, как будто бы уже ждал чувствительного щелчка по нему.

Все#таки мальчику эта поездка пошла на пользу. Ребенок не скучал, а это главное. Куда лучше, чем сидеть в номере отеля и смотреть тупые мультики, подумал Князь и ответил:

– А это лишнее. Я с него никому не звоню. Это мне звонят те, кто впал в отчаяние, но знает мой номер. А я в таких случаях всегда рядом.

Ленечка смотрел на него восторженно. Даже нет, не так. Детям лет в одиннадцать нужно так на кого#то смотреть – неважно, отец это, или старший брат, или футболист любимой команды, вырезанный из мятого журнала и повешенный над кроватью. Это уже не сыновняя преданность, но еще и не юношеская влюбленность. Это радость от того, что есть в мире люди, на которых хочется быть похожими. У Князя потеплело на сердце, когда Ленечка перевел взгляд на экран, где по заснеженным дворам брела одинокая фигура.

– Жалко его, – честно сказал Ленечка: – но он знает твой номер?

– Гейм овер, – тонкие губы Князя раздвинулись в улыбке: – все будет хорошо. Вот только детям до шестнадцати лет пора... – Ленечка упрямо и молча замотал головой, – пора баиньки. Не надо разговоров, не надо расстраивать сестру. «Токайское» мы с дядей Прибалтом будем сегодня пить без тебя. Робертас, твои ребята способны отвезти нашего юного спорщика обратно в отель?

– Почтут за честь, – литовец прокашлялся, не зная чему больше удивляться, предложению выпить, неожиданной развязке погони, или почетному поручению.

Мальчик насупился, но плакать не стал, спросил только обиженно и без особой надежды:

– А чего он остановился?

Тот, кто был на экране камеры наблюдения, действительно стоял в какой#то подворотне. Снегу туда не заметало, и светила тусклая лампочка из тех, с вольфрамовой нитью,

что доживают свой век на задворках империи. Смотрел же он на обитую потертым дерматином дверь, которая вела из какой-то квартиры не на лестничную площадку, а прямо в подворотню. Такое иногда встречается в Петербургских трущобах.

Человек смотрел на дверь и беззвучно шевелил губами.

– Молится, – предположил Прибалт.

– Или стихи читает. «Горечь первой рюмки, блеск любимых глаз». «Не жалею, не зову, не плачу». Ты мне, Ленечка, зубов-то не заговаривай. Я говорю, спать, значит спать...

Мальчик поглядел исподлобья, вылез из машины, и, зябко поежившись, побежал к «Джипу», стоявшему за чугунными воротами. Машина приветственно мигнула фарами, ворота приоткрылись.

– Я доверяю тебе, Робертас, – сказал Князь, убрав с лица улыбку. – Надеюсь, ты понимаешь, что за мальчика отвечаешь головой. И за то, чтобы твои латыши забыли, кого и куда возили.

– Обижаешь, Князь, – осклабился Прибалт. – Они про тебя-то не слышали. А вино, я смотрю, славное.

– Экономия – развлечение для бедных, – коротко ответил Князь и невольно снова посмотрел на изображение подворотни, где горела электрическая лампочка. Сутулая спина того, за кем они следили, как раз покидала кадр, но Князь внезапно приказал: – не убирайте изображение! Дайте крупно!

– Камерас! – снова приказал Юшкаускас.

Штукатурная, вся в разводах и трещинах стена стала приближаться на экране монитора. Аппаратура отличная, скоро стало видно короткую надпись, сделанную над звонком то ли авторучкой, то ли фломастером. Номер телефона. Все трое молча смотрели на него, потом Князь каким-то неприятным голосом поинтересовался:

– Это чей?

– Уже проверяю, – отозвался Рыжий. На коленях он раскрыл ноутбук и стремительными движениями фокусника колдовал с клавиатурой. – Что-то не так, Князь?

Князь не ответил. Это не мой город, подумал он. Здесь все может быть не так, а ты этого не заметишь. Я не учился в здешней школе. Я не бегал по проходным дворам курить за угол, и не рисовал над звонками в квартиру номер своего телефона, чтобы каждый, кому вздумается, потом мог позвонить, пока стену не покрасят. А красят их в этом городе только на парадных фасадах, дабы было видно, что культурная столица. Мне это не нужно и не свойственно. Я не жду звонка из детства, и не боюсь прошлого. Это последний снегопад. И из темной подворотни уже вышел тот, кто сейчас, почувствовав всю глубину отчаяния, наберет нужный номер, тот, который я лично продиктовал ему полгода назад. И недрогнувшей рукой я завершу партию.

– Все так, Рыжий, – левая бровь Князя слегка приподнялась, придавая лицу столь идущий ему ироничный вид: – но мелочей не существует. Проверь этот номер. А вином я сам займусь.

Застегнув ворот френча, Князь вылез из машины и выставил все три бокала на капот. Тонкое горлышко бутылки он взял ласково, как руку любимой женщины для поцелуя. Роберт Юшкаускас выволок следом свое грузное тело, обмял на талии пиджак, и полез было в карман за неразлучным швейцарским ножиком, чтобы предложить штопор. И застыл с открытым ртом, увидев, как внезапным и сильным движением пальцев Князь отламывает горлышко бутылки вместе с пробкой и небрежно швыряет его в снег.

– Это фокус, – снисходительно пояснил Князь, разливая драгоценную влагу по бокалам, в которых отражались окна полусотни петербургских квартир: – кое что из трюков тайских факиров. Когда я впаду в нищету и бедность, пойду подрабатывать в цирк. Выпьем, не чокаясь.

– Русская традиция? – насмешливо уточнил Прибалт: – о покойных или хорошо, или ничего?

– Новая традиция. Проблема была, теперь ее нет. Есть человек, но нет проблемы. За проблему.

– Он звонит, – сказал Рыжий.

Уже не требовалось смотреть на экран, чтобы увидеть, как изможденная тень человека на другой стороне двора устало прислоняется к стене и шарит по карманам плаща. С трудом, на память, нажимает кнопки телефона. Ждет гудков.

Князь отпил вина. Покатал его языком по щекам и медленно, с удовольствием позволил пролиться в горло. Время застыло. Никто не поймет его. Это круче любви, и азартнее карт. Это называется – власть.

– Он не вам звонит, Князь, – осторожно сказал Рыжий.

И правда. Телефон, покойно лежащий в белой шелковой раковине на водительском сиденье, молчал.

Юшкаускас, не спросив разрешения, протянул длинную руку, включил динамики в салоне автомобиля.

– Алло. У меня деньги на телефоне кончились. Девушка, можно обещанный платеж? Ну да, чтобы я в долг позвонил, а утром в автомате уплачу...

Ирония судьбы, Ленечка, по привычке назидательно, но уже про себя подумал Князь. Человек совершает самый важный в жизни звонок, а у него нет денег на счету. Вот поэтому я в таких случаях всегда рядом. Идиот Робертас все еще думает, что мы киллеры. Он не понимает, что человек, которого я спасу из бездны отчаяния, надежнее любого покойника. Но на то Робертас и идиот.

Он снова отпил вина. А из теплого, пахнущего мандаринами салона автомобиля донесся длинный двойной гудок. Потом второй. Третий. Если бы человек, прислонившийся к холодной стене, прислушался к странному эхо, которое порождает его звонок в стенах этого огромного двора... И огляделся, то вполне мог бы заметить троих мужчин с бокалами вина возле темного автомобиля. Но он не вертел головой.

– Он опять звонит не вам, Князь, – невозмутимо констатировал Рыжий.

Трубку сняли.

– Джентльмены, здрасте! В данный момент меня нет дома, или я немного занят. Но поскольку я вам все равно рад, джентльмены, переведите телефон в тональный режим. И наберите, – в этом месте автор записанного на автоответчик заговорил механическим голосом, но хватило его ненадолго, он закашлялся: – наберите «один», если хотите поговорить с моим секретарем и помощником Сергеем Вихорем, наберите «двойку», если хотите попробовать найти меня в «Скайпе», хотя вряд ли, наберите «три»...

Бокал токайского вина в руке Князя сначала наклонился, потом перевернулся, выливая драгоценную влагу на снег, потом и вовсе выпал из руки, но не разбился, мягко зарывшись в сугроб, по которому расплылось янтарного цвета пятно...

– Чего это за хрень? – спросил Юшкаускас у Рыжего, увидев, что Князь сперва, только услышав слова «Джентльмены, здрасте», зажмурился, потом еще и стиснул зубы.

Это не мой город! – вертелось в голове Князя. Этот город против меня! И всегда будет против, пока... Пока я слышу эти слова «Джентльмены, здрасте!».

– ...А если у вас нет тонального набора, – все так же беззаботно советовал неведомый собеседник, – и если Сережа Вихорь до сих пор не взял трубку, что означает, что он где-то, как всегда, шлындается без дела, у вас, джентльмены, единственный выход. По старинке, по привычке оставьте сообщение, после звукового сигнала...

Несколько тактов Гайдна прозвучали в заснеженном дворе величественно, как хорал в церкви, который полагается слушать стоя и молча.

– Алло, – тот, кого Князь называл Целью, заговорил неуверенно, словно подавленный чужой бодростью. Ему вдобавок почудилось – каждое сказанное им слово эхом доносится из дальнего конца двора. Ерунда, конечно же. – Алло. Я собственно, Сергею звонил. Тут его телефон... Но неважно. Так даже лучше. Принц. Ты меня, наверное, не помнишь. А мне помощь нужна. То есть, не мне уже, а ей. Помоги ей, Принц. Я понимаю, это для тебя ерунда, школьные воспоминания. Одноклассники и все такое. Но ты помоги. А еще, я, наверное, скажу тебе. Потому что некому больше. Этот снегопад – последний. Совсем последний. Ты не думай, что я спятил, Принц, и ты Серега, не думай. Я сейчас все объясню...

– Остановите его... – прошептал Князь и тут же, словно боясь, что не сказал, что только подумал, прокричал, срываясь на визг. – Остановите разговор!

Рыжий понял приказ сразу. Нырнув в машину, он склонился к приборной доске и с лихорадочной скоростью переключил несколько тумблеров на ней. Но Роберт Юшкаускас успел за это время присесть, вытащить из кобуры, укрепленной на голени свой заурядный, но очень точного боя «Глок» и прицелиться. Однако, прежде чем спустить курок, успел почувствовать, как пальцы, твердые, будто стальные наручники, обхватили предплечье и с силой вывернули прицел в небо.

Грохнул пистолетный выстрел. И в ту же секунду голос в автомобильных колонках пропал. Вместо него раздалось ровное, мощное гудение, которое можно, хотя и очень недолго, услышать, если по ошибке воткнешь антенну в сеть переменного тока. Теперь все разговоры по сотовому телефону в пределах двора и нескольких окрестных улиц временно недоступны. Хорошая у Прибалта машина, оборудованная.

– Я по телефону бил! – кричал Прибалт, извиваясь в бешенстве, не в силах вырвать руку с пистолетом из мертвой хватки Князя. Но вскоре понял, что это безнадежно, особенно, когда сквозь хриплое дыхание схватки, послышалось «придурок шепелявый». Князь обычно не допускает сильных выражений и если уж дело дошло до ругательств, значит оно серьезное. Но и берет себя в руки Князь тоже быстро.

– А если бы в голову? – спросил он негромко, и резким движением кисти стряхнул злополучный «Глок» в сугроб. Юшкаускас отступил на шаг, массируя запястье, и хмурия полуседы брови:

– Ты – ы-ы, – сказал он, растянув все согласные как только возможно: – Т – ты м – мен – ня...

Человек на другой стороне двора сидел в сугробе, уронив телефон и прикрыв голову руками. И сейчас ему особенно подходило имя “Цель”.

– Рыжий, – сказал Князь, сглотнув тягучую, токайского вкуса слюну, – мигни фарами привратнику. Мы сейчас уезжаем, если конечно Робертас не против.

– Т – ты меня...

– А потом подойди к человеку. Может, чем помочь надо, он же напугался, по нему же не каждый день стреляют. Может, его подвезти куда нужно, так у нас как раз свободное кресло.

Рыжий кивнул и пошел, хрустко ступая по мокрому снегу.

– Я н – не поним – маю... ты меня... – все еще не мог осознать сей прискорбный факт Прибалт.

Он бы на меня уже с кулаками накинулся, подумал Князь, только хватку почуял, не рискует. Меньше мне надо людей за руки хватать, хотя в данном случае неважно. Может быть, так получится даже лучше. Особенно хорошо, что Ленечки рядом нет. Ему все эти разборки смотреть рано.

– Да чего тут непонятного? – удивился Князь. Совсем не чинясь, он, к удивлению Прибалта, закатал рукав френча, и, присев на корточки, шарил в плотном снегу помятого, и забрызганного каплями пролитого вина сугроба. – Ты погорячился, Робертас. И я погорячился. Помаши рукой в камеру. Пусть нам откроют ворота. Сматываться пора.

– Не знал, что ты кого#то боишься, Князь, – улыбался Прибалт криво, потому что рука еще болела, но смотрел он сверху вниз и довольно нагло: – думал, ты просчитал ходы заранее. Пешка на доске и все такое.

– Когда пешка доходит до последней черты, – спокойно ответил Князь, доставая из сугроба два комка снега – побольше и поменьше, – она может превратиться во что угодно. К этому тоже надо быть готовым.

Комок снега побольше он предупредительно вежливо протянул Юшкаускасу. Как трубку мира протянул, как руку дружбы маленькому, но гордому прибалтийскому народу. Снег налип на спусковом крючке, на раме, но в ствол “Глока” не забился. Хороший у Прибалта пистолет.

– Ты меня... – медленно повторяя эту волшебную фразу, Робертас Юшкаускас обирал холодные ошметки с металла.

Пальцы сразу покраснели, еще бы, давно уже воду из замерзшего колодца таскать не доводилось, подумал литовец. Ботинки все – копец ботинкам, свинская погода, свинские заботы, свинское счастье. Я, понятное дело, не сделаю то, что хочется, что сделал бы с любым другим. Передернуть затвор, ткнуть в рожу стволом, заорать: «Это не твой город, Князь!». Потому что и не мой тоже. Город сам по себе.

– Ладно, поехали, – процедил он сквозь зубы, глядя, как сами собой открываются чугунные ворота: – Только уж ты потом поясни мне, что это за Принц такой, которого даже ты боишься? Чтобы, когда вы доиграете с ним в свои пешечки – королевешки, знать, чей выигрыш.

– Выигрыша не будет, – коротко ответил Князь.

Словно решившись на туповатую школьную шутку, он ткнул ком снега куда#то под ворот прекрасно пошитого пиджака собеседника. Снег за пазухой, это неприятно, всякий знает. Но через секунду, когда неплотно смятый снежок развалился, Прибалт успел заметить темное стекло отбитого бутылочного горлышка. А в следующую секунду острый осколок вошел ему в подбородок, под язык, и ничего сказать литовец уже не смог. Продолжая сжимать в руке пистолет, он попятился и сел в изрытый сугроб с янтарным пятном от пролитого токайского.

Глава 2

Понедельник. День солнечный

Каждый мой понедельник, если я не в командировке, не в отпуске и не валяюсь в госпитале, начинается одинаково.

– Джентльмены, здрасте! В данный момент меня нет дома, или я немного занят. Но поскольку я вам все равно рад, джентльмены, переведите телефон в тональный режим...

Я не завожу будильник в начале рабочей недели. Во – первых, найти его в навороченном, именном, подаренном под гимн России в одной из палат Кремля смартфоне не представляется возможным. Кстати, подаренном за последнюю командировку на Огненную Землю. А, во – вторых, я точно знаю, что в шесть часов сорок минут услышу мягкое пиликанье, потом щелкнет переключатель автоответчика, и бодрый голос скажет:

– ...Наберите «один», если хотите поговорить с моим секретарем и помощником...

Я лежу с закрытыми глазами. Для того и существуют автоответчики – вроде ты есть, а вроде и нет тебя.

– Доброе утро, Принц, – говорит грустный женский голос после звукового сигнала: – я просто хотела слышать твой голос.

Трубку вешают, и я сразу сажусь на диване. Пора просыпаться. Еще двадцать минут до штатной побудки, но это не беда. До того, как варить кофе, можно просмотреть утреннюю почту Принца, и ту, которая связана с Принцем.

Спать я лег всего три часа назад, мышцы еще не остыли. Поэтому, кряхтя, как столетний дед, я встал на руки и десять метров (ни сантиметром меньше) до письменного стола прошел верх ногами. Комната, которую я занимаю, в благословенные годы братства народов предназначалась под директорский кабинет.

Честное слово, я выбирал жилье не из тщеславия, а чтобы поставить приличный турник. И чтобы боксерская груша не стучала по книжному шкафу при каждом ударе. Хватило места и для душевой кабины.

Так – с, встанем на пятки. При этом не будем смотреть на два аккуратно подклеенных конверта с надпечатками «фельдъегерская почта» и «совсекретно». Вот куда уходят часы ночного отдыха. Бывший подполковник ГРУ Сергей Викторович Вихорь до четырех часов ночи сидит над бумажками, а потом, что особенно противно, заклеивает эти солидные, пухлые как взятка господу Богу, конверты. Такие у него теперь должностные обязанности, почтенные, завидные и очень занудные.

Электронной почты оказалось немного. Кроме двух вполне солидных просьб о консультации по промышленному шпионажу и обычных призывов поучаствовать в какой#нибудь войне оказалось всего два письма, и оба от Отца. Отец просит Принца позвонить. И Отец просит, чтобы я, подполковник Вихорь, поговорил с Принцем о будущем. О том, что пора как#то определиться. О том, что, в конце концов, надо жить не только для себя, и чтобы Принц ему позвонил!

Это Отец Принцу новую работу нашел. Может быть, даже новое министерство, я в это не вникаю.

Ровно в семь из патрубка пневмопочты со стуком выпала дюралевая капсула со все той же раздражающей наклейкой «совсекретно». Вы видите, будильник мне не нужен. Я потянулся, подошел к окну и, шурясь от морковного сияния над лесом, увидел, как по заросшим травой цементным плитам движется высокая прямая фигура с аккуратно уложенными в кичку волосами. Лотта Карловна Коган изволили пробудиться, изволили напомнить под-

полковнику Вихорю о его должностных обязанностях, и теперь идут поразвлекаться рыбалкой на утренней зорьке.

Я ей на новый год спиннинг подарил, но Лотта Карловна упрямо вырезает удище перочинным ножиком в прибрежном орешнике. До восьми тридцати она будет сидеть на мостках, прямая и строгая, а потом вернется к завтраку переодетая в коричневое шерстяное платье с кружевным воротничком, и посмотрит так, будто мальчик Сережа уши не помыл. Кстати.

Вот водица у нас в «Пуще» отличная, холодная и вкусная. Что бы ни говорили в российских теленовостях о руководстве Беларуси, но чего не отнимешь – братья – славяне не вырубают собственные заповедники и не засоряют артезианские скважины. Да и вообще верный признак хорошо построенного пансионата, это то, что его можно переоборудовать во что угодно.

Фыркая, и вытираясь махровым полотенцем, я выбрался из душа, и со скрипом раскрутил патрон пневмопочты. Спасибо, Лотта Карловна. Плотная сложенная пачка отпечатанных на принтере листов повергла меня в уныние. И вас бы повергла, если бы вы всю предыдущую ночь читали по очереди отчет об экологической угрозе полярной крачке, гнездящейся на Огненной Земле, и слезливый роман перуанской беллетристки – светскую хронику Лимы, Сантьяго и Буэнос-Айреса... И не только читали, а и цензурировали бы.

Я не нанимался в редакторы. Честное слово, легче вскарабкаться по гладкой бетонной стене и вывести из строя турбину электростанции, чем вымарать десяток упоминаний о Принце из текстов, составленных восторженными девицами. А иногда и убежденными сединами старцами, но тоже восторженными. Они познакомились с удивительным человеком!

Пятнадцать минут на одной ноге, со сложенными ладонями, и закрытыми глазами это довольно легко, когда белорусское ласковое солнышко уже висит над весенним, с едва проклюнувшейся листвой лесом. Открыв глаза, я вторично за сегодня выглянул в окно, и увидел на спортивной площадке фигуру в основательно растянутом тренировочном костюме.

Наш Василь Аксенович, в просторечии Министр, упорно игнорирует мои советы по поводу кимоно, а потом за завтраком нудит и ноет про радикулит. Сегодня, Министр рискнул подойти к к брускам на спортплощадке, именно подойти и грустно так на них снизу вверх посмотреть.

А Ленишки чего#то не видно. Обычно он уже в это время в дверь стучится. Впрочем, ответ напрашивается сам собой. Тамара взяла за правило на выходные, если эти выходные вынуждена проводить в одиночестве, демонстративно и гордо сматываться из «Пущи». Когда она уходит в загул в Москве, оставляет Ленку здесь. Видимо, на сей раз она в Питере, и там нашлось куда пристроить сводного младшего брата.

Нет, но вообще какая#то болезненная ситуация. Дело понятное, вся страна анекдоты рассказывает, что если Отец запускает новый истребитель, Папа немедленно бросается бурить новую скважину, да поглубже в море. Зато если Папа действительно находит там нефть, Отец, обхватив свою умную голову руками, немедленно выдумывает новый Национальный проект. В общем, оба крайне ревностно наблюдают друг за другом...

И вот поселил Отец непутевого сына, Принца нашего, в Беловежскую Пущу. Договорился с Батькой честь по чести, выкупил заброшенный советский санаторий и вверил Принцу в качестве постоянного места жительства. Чтобы Принц вдали от мирской суеты задумался, какой замечательный пример радения за Отечество он мог бы брать с собственного родителя. Ну, прослышал об этом Папа...

Ясное дело, что Папа, то есть его верные Сырьевики, про «Пущу» прослышав, тут же организовали депутатский запрос. Что за феодальные замки в дружественной Беларуси? Что за наследные принцы (экий намек#то, господи, умаялись поди, придумывая)? Короче говоря, их заклятые коллеги Инновационники тут же взошли на трибуну и, скорбно шевеля усами,

сообщили, что пансионат «Пуща» является символом былого величия СССР и отдыхать там может кто угодно. Вот хоть вы, товарищ.

И, естественно, Папа тут же прислал сюда отдыхать родную дочь Тамару. Ну, негоже, если первая невеста страны наутро с красными глазами, и на все вопросы отвечает: «Ничего я не хочу», в смысле – что мне твои нефтяные вышки, папа, когда Он меня не замечает?

Вот почему, думал я, сбегаю по мраморной лестнице, старомодно уставленной монстрами в кадках и статуями пионеров, запускающих планеры, вот почему пансионат теперь населен только обслуживающим персоналом.

Секретарь и дворецкий, подполковник ГРУ в отставке. Старая разведчица, некогда посланная в Англию с двумя недорослями, которым вздумалось получить блестящее английское образование. Бывший министр, выполнявший ту же функцию, но во французской Сорбонне, где Тамара пару лет делала вид, что ей не хочется поехать в Оксфорд следом за Принцем.

А Принца нет, и Тамары нет, и даже Ленечки здесь нет, а в его апартаментах дрыхнет бездарный и беспутный Валерка Бондарь – Тамаркин седьмая вода на киселе родственник, которому она не разрешает взять себя замуж, но дает деньги в долг. Пардон, не в палатах Ленечки, а в Тамаркиных. Его никто не звал в санаторий «Пуща», но поскольку Папа и в первопрестольной его видеть уже не может, он как#то сам прилип.

А знаете, люблю я такие дни. Слышал, что многие раннюю весну не любят, а на вопрос «почему», подумав, отвечают – «днище ржавеет». Ребята, говорю я им, мыслите шире, чем граница МКАД. И судьба непременно закинет вас в середине марта куда#нибудь поинтереснее.

Застать расцвет социальной политики СССР мне не повезло, разве что в глубоком детстве, когда родители как раз накопили денег, чтобы обить двери в квартире дерматином. Тогда поездка на поезде в город Таллинн казалась недостижимой, и от этого особенно светлой мечтой. С младшей школы моим санаторием на все времена года стали помойки центральных районов города Петербурга.

Нет, я не был хулиганом, не замучил ни одной кошки, но каждый вздох мамы с папой: «Ребенка в Коктебейль на лето, чтоб не бегал по дворам...», вызывали у меня тоску, и желание объяснить – не так все плохо, ребята. Из чистого чувства протеста я, классе в шестом, когда в доме появился компьютер, ушел в добровольное затворничество. «Ребенка в Коктебейль, чтобы глаза перед экраном не портил...». Так они сокрушались, пока не выяснилось, что я, похоже, набираю баллы в элитную школу напротив. Там учился Принц.

К двадцати годам я побывал на четырех континентах, и купался в таких морях, рядом с которыми Коктебейль сначала покраснел бы, а потом скромно протянул бы лапку нашенской родной Маркизовой луже. Так что лихие девяностые не украли моего детства. Но когда я впервые попал в пансионат «Пуща» со всем его советским обветшалым великолепием, не буду врать, что#то шевельнулось под четвертым ребром слева. Представляю, как обалдел бы школьник Сережка Вихорь, попади он сюда, без взрослых, без сверстников, без хождения строем в столовую за компотом...

Последнее, впрочем, преувеличение, подумал я, увидев около украшенного гербами республик ближнего зарубежья бассейна Лоту Карловну, поймавшую рыбу, а теперь еще поймавшую Федора и отдававшую ему распоряжения. Тот стоял невозмутимо в своей белоснежной куртке и колпаке, держал в руке несчастного карпа и слушал со всегдашним видом бойца, получающего смертельно опасное и столь же смертельно важное для судьбы Родины задание.

Это показалось бы забавно, не знай я, что Федор Замшин имеет одиннадцать ходок за рубеж, и был вторым номером в знаменитой диверсионной группе «Мотылек». Согласно уставу ГРУ второй номер отвечает за боеприпасы, а заодно за кормежку, поэтому поварские

навыки Федора хороши не только его умением готовить седло барашка. Впрочем Шарлотта Карловна Коган, разведчица с полувековым стажем, это знала и без меня.

– ...И семь минут, Феденька, только не на быстром огне, ради бога. Я хочу, чтобы ребята поняли, что карп – это не только уха. Ты меня понял, Феденька? Сережа, доброе утро. Ты получил почту?

Шарлотта Карловна, или проще говоря Лотта, конечно, знала, что я получил ее почту, и электронную почту, и успел посмотреть новости. Она знала мой распорядок дня просто потому, что сама мне его составила и вручила когда-то в первые дни нашего совместного пребывания в Оксфорде. Когда выяснилось «что вот этот мальчик тоже с нами поедет». Я тогда, помнится, подумал, что бабушка милая, но зря ее посылают с двумя такими оболтусами и хулиганами, как мы с Принцем, горько мы старушку разочаруем. Горькое разочарование и, правда, потом было, но не с ее стороны.

– Я получил почту, Лотта Карловна.

– А ты ее прочитал? Это глава из книги профессора Курамова.

– Какого профессора?

Лотта поправила не нуждающуюся в поправке кичку на затылке, провела рукой по белым волосам. Взгляд ее стал строгим, и я почувствовал, что кроме пары по поведению, мне светит кол по чистописанию:

– Профессор Курамов – один из известнейших исследователей горного Тибета и Гималаев! – торжественно сказала пожилая учительница, но вспомнила и о рыбке. – Не опаздывай, Сережа. И пусть ребята не опаздывают.

Все понятно, Лоте будет приятно, если мы оценим старинный баварский рецепт приготовления карпов. Жаль только, из ребят я сегодня один. А Василь Аксенычу Марютину, Министру нашему, учительница Коган за завтраком не обрадуется. Не любит, иронизирует, третировать. Должно быть, относится к школьному наставнику Тамары, как к собственному отражению в кривом зеркале противостояния Инновационников с Сырьевиками.

Кривое отражение это я обнаружил возле полигона для скалолазания.

Все тот же школьник Сережа Вихорь обожал стенки гаражей, где от старости ли, от непогоды ли недоставало трех – четырех кирпичей. По щербинам так здорово забраться чуть повыше и висеть там, вздрагивая от мысли, что ты над Ниагарским водопадом. Я не хочу хвастать, но задолго до того, как Принц в своей обычной меланхолической манере брал призы по скалолазанию в Лозанне и Таренте, никто иной, как одноклассник Вихорь чуть ли не силой заставил его преодолеть стену сарая на задворках улицы Фурштадтской. И только потому, что договорились подсматривать за девицами, загорающими в ту пору на соседской крыше.

Понятное дело, что переоборудование пансионата «Пуща» в пенаты Принца не могло обойтись без обустройства стены с выбитыми кирпичами и разбросанными в художественном беспорядке штырями. За которые так удобно цеплять страховочный трос. Стену оборудовали за процедурным корпусом. Там же, где помост для прыжков на мотоцикле, арбалетный тир, и деревянные колобахи – ножи втыкать.

На фоне этого и был замечен Василь Аксеныч Марютин. Я подошел шумно, нарочито вздымая ногами прошлогоднюю листву. Бывший министр, кругленький и потный после своей физзарядки, смотрел в высокое утреннее небо так же грустно, как недавно разглядывал брусня. И было очевидно, что он только о том и мечтает, как бы влезть на эту стену, и больше ничего ему неинтересно. В нашем Министре давно погиб актер погорелого театра. Ой, кто это листьями шуршит?!

– Сереженька!

Министром он был один лишь раз, по чьему-то недосмотру, месяца три всего. Но привычку трясти руку при встрече, пока не отвалится, усвоил на отлично.

– Приятно поговорить с настоящим человеком в наше сволочное время...

Есть такие люди, у которых постоянно «время тяжелое», «кругом сволочи», а тот, кому в данный момент трясешь руку, «настоящий человек». Министру явно чего-то надобно.

Я подошел к мишени, ошметинившейся ножиками, и набрал их полную руку. Василь Аксеныч подумал, подошел следом, и снял с крюка, вбитого в столб с национальным резным узором, арбалет. Охнув, взвесил на руках. Надо последить, чтобы в процессе непринужденной беседы наш многоопытный политик меня не продырявил.

А еще я ногтем соскреб с одного из лезвий вроде как пятнышко ржавчины. Но никакое не пятнышко, а беспроводное подслушивающее устройство на клеевом креплении. Семнадцать за месяц. Кто? Да кто угодно, всем интересна любая информация о первых наследниках государства российского. Соскреб и растер керамическую нашлепку между пальцами, будто белорусский крестьянин ненавистного колорадского жука.

– И ты обрати внимания на колебания курса, Сереженька...

Выходит, дело у Аксеныча серьезное, не ко мне, а непосредственно к Принцу, или даже самому Отцу. Дела будничные, вроде подсказать ночной клуб со стриптизом в Дубае, или перегнать новехонький серебристый катер с Днепра на Двину (Василь Аксеныч питает слабость к катерам и все грозитя обучиться вождению), он предъявляет после первой папироски. Курить мы, правда, оба бросили, он после инфаркта, а я на службе. Но сейчас, я думаю, он высмолит целую пачку болтовни, прежде, чем перейдет к делу.

– Как платина к золоту растет, Сереженька, страшное же дело! А курс-то за баррель нефти «Брэнт» колеблется как...

– Ох, колеблется, – вставил я глубокомысленно.

– А ты не улыбайся, Сереженька! – Аксеныч и сам прищурился с лукавством деда – всеведа. – В современном мире энергоносители решают все – о!

Очень – но любит обобщения наш Василь Аксеныч, и обобщения его какие-то замшелые, на уровне последних достижений науки и техники середины прошлого века. Никогда не забуду, как после первого курса Оксфорда за успехи Принца в языкознании и мои в начертательной геометрии добрый наш Отец разрешил нам пойти на Килиманджаро с палаткой. И поскольку не было у нас тогда контрнаблюдения нормального, через день после нас рядом палатку разбила, кто бы вы думали, Тamarочка и ее седьмая вода на киселе Валерка. Ну вот поехала девушка на каникулы, а тут – такая неожиданность, Принц!

Понятное дело, Папа Тamarочку в отличие от нас просто так в экваториальную Африку не отпустит. С ней был взвод краповых беретов, ребят симпатичных, но нелюдимых. Они стояли лагерем тремястами метрами ниже, и пели по ночам протяжные десантные песни. А мы вчетвером сидели у костра, Тамара смотрела на Принца, Принц на звезды, а я поражался, сколько можно вбить в башку студенту за год. За нами присматривала Лотта Карловна Коган, поэтому Принц например, уже переводил эпос Гильгамеш, а я худо – бедно освоил вождение вертолета и матричный анализ.

А вот Тamarочка и Валерка из своей Сорбонны привезли полный набор умных фраз про прибавочную стоимость, социальную психологию, про то, что жизнь штука сложная, Восток – дело тонкое, и конечно: «Нефть решает все!».

Прошли годы, все, даже Валерка, позаканчивали свои альмы матеры, но расстановка сил осталась примерно та же. Житейская мудрость Василь Аксеныча взбрыкивает в Тамаре истерическим темпераментом раза два в месяц, а в Валерке, научившемся пить, пополневшем, бурлит не прекращая.

Короче говоря, тут я всецело на стороне Отца, который, упершись рогом в свои инновации, отдает предпочтение квалификации и здравому смыслу. И того и другого в Василь Аксеныче маловато, освободившееся в голове место занято лояльностью. Тamarочкин папа, а говоря короче, просто Папа, ценит именно личную верность. Все сырьевики очень верные.

– Так у меня к тебе небольшой вопросец, Сережа.

Я вздохнул посвободнее, и на всякий случай отобрал у старца арбалет. Нет, на нем подслушивающих «жучков» не было, но дело в другом. Преамбула закончена, сейчас Министр поделится со мной сокровенным. Беда в том, что, делясь сокровенным, он машет руками...

– Есть у меня один кораблик...

Стоп. Василь Аксеныч любит море, это всем известно, и даже министром он был, кажется, рыбной промышленности. Но вместе с тем, Василь Аксеныч, как любая приблизившаяся к власти гувернантка (про Лоту Карловну никто не говорит), очень любит затеять свой маленький бизнес. И тут держать надо ухо остро. В прошлый раз он пытался соблазнить меня и Принца ни много ни мало рейдерским захватом. Он это называл иначе, он ссылаясь на наши деяния на Огненной Земле², и выражал надежду, что, может быть, нам интересно будет попробовать свои силы на специально укрепленном объекте...

– Стоп, Василь Аксеныч. Если это шхуна, которая под корейским флагом и с нашей командой крабов этих несчастных в Желтом море ловила, тут даже говорить не о чем. Я в данном случае на стороне крабов...

– Ты меня обижаешь, Сережа, – горестно вздохнул Министр: – я что, по – твоему, еще и браконьер? У меня есть, точнее, был один кораблик... – грустно сказал Министр, – и тоже исчез в Аравийском море. Шел с грузом копры в Мумбаи. Я денег поднакопил, приобрел сухогруз. «Майя Плисецкая», красавица – балерина, водоизмещение... И вот она вместе с водоизмещением... С концами...

– Далеко от Сомали?

– Честно говоря, далеко, – Василий Афанасьевич подергал носом, в тренировочном костюме обсуждать инвестиции холодно: – но всякое бывает, а, Сережа? А если все же пираты? Ведь это сейчас не каждый день, да? «Принц против Сомалийских пиратов», а Сережа? Это звучит?

Не могу я спокойно такие вещи слушать. Он же действительно, обломок империи, души не чает в своей «Майе Плисецкой». Ему же с детства вбивали в голову, что капиталист это «владелец заводов, газет, пароходов». И вот ему повезло на старости лет в гувернеры попасть, и он ловит свою порядком облысевшую птицу счастья за хвост.

– Принцу, Василь Аксеныч, не десять лет, – напомнил я, как можно тактичнее. – Ему за двадцать пять перевалило. Что ему в голову придет, никто не знает, это верно. Но пропади ваша баржа в Марианской впадине, шансы были бы выше, это я просто для примера говорю. Поэтому ответ обычный, «мы с вами свяжемся».

Старик поник. Грустное это зрелище, когда старики понижают.

– Я понимаю, Сережа, – сказал Министр, подпернув растянутую резинку штанов на животе. Взял у меня один из ножей, повертел в руке, пытаясь понять, где рукоятка, догадался, что лезвия два, и аккуратно, как цветок ромашки пристроил на ладони. И проговорил неожиданно просто и спокойно: – Человек уезжает из города, где родился, и хочет увидеть мир, настоящий мир, а не тот, что он воображал в своих играх. Он ездит из города в город, из страны в страну и думает, что найдет там цель, смысл, друзей. А потом он возвращается и играет в старые игрушки. А они старые. Они тонут в воде.

Министр с размаху швырнул сложный снаряд, как#то боком ладони пихнул, с небрежностью опытного ниндзя. Отточенная стальная полоса со свистом прокрутилась в воздухе, и вошла в самый край мишени. Случайно, конечно.

² (подробней в романе П. Ярвета и И. Чубахи «Бертолетова соль Земли» <http://www.historybooks.ru/writer/xubaxa-65767/rimskaja#ruletk-a-177444/>)

– Молодчина вы, Василь Аксеныч, – сказал я, – только ответьте честно, ну чего вы тут маетесь? Тамара уехала развлекаться. Поехали бы с ней в Питер, все веселее. Опять же ей Леньку было бы с кем оставить.

Министр посмотрел на меня как#то странно. Потом резко покачал головой, махнул рукой и приложил ее не к сердцу, а к желудку, потому что язва:

– Нет, Сереженька. Старики не должны мешать молодым веселиться. И потом у меня двое птенцов на руках. Тамарочка хоть самостоятельная. А Валерка – оболтус до сих пор дрыхнет. А мне за все отчитываться. А у меня через полчаса спецсвязь...

Та – ак. Это удачно. Значит Бондарь опять прячется от Папы, которому надоел хуже горькой редьки своей безалаберностью и неприкаянностью. Валерка, как некий довесок к Тамаре, обнаруживается в самых неожиданных местах, от открытия всемирной выставки в Париже, до разработки Южноафриканских алмазов, куда мы с Принцем мотались инкогнито по делу Сатанинской Мухи³. И хватило нашего инкогнито на два дня, потому что потом мы на узкой улочке африканской деревни наткнулись на джип, где сидела Тамара, а с ней Ленечка и Валерка, а грузовик с краповыми беретами застрял в каком#то ручье, и его пришлось выталкивать руками...

³ (подробней в романе П. Ярвета и И. Чубахи «Полный Мухосранск»<http://readr.ru/petr#yarvet#i-dr#rimskaya#ruletk.html>)

Глава 3

Тайна гор Куэн – Лунь. Облачно, с прояснениями

Текст неопубликованной главы из книги профессора оториноларингологии Курамова, «На путях к вечному». С сопроводительными комментариями профессора Курамова.

Посылая Вам данный текст третьей главы моей новой книги, я позволю себе несколько вступительных замечаний. К сожалению, публикация книги «На путях к вечному», пятой в серии документальных повестей – «Моя Шамбала», полностью сорвана по причинам, не вполне мне понятным. Издательство «Алфавит», с которым мы плодотворно работали на протяжении последних шести лет, внезапно вернуло мне уже готовую рукопись, указывая на невозможность публикации именно текста третьей главы. И выразило желание чтобы я переработал текст книги, исключив описание данных событий.

Разумеется это невозможно. Повесть «На путях к Вечному», как и остальные мои документальные повести, посвященные научным исследованиям духовного прогресса человечества на Памире, Тянь – Шане, Гималаях и Северных Андах, представляет собой изложение реальных событий на основе дневниковых записей, которые я, профессор оториноларингологии Курамов, вел непосредственно в экспедициях.

Логика научного исследования не позволяет произвольно изымать изложение определенного его этапа. Возможно, это неочевидно для людей, лишенных соответственной научной подготовки и систематизированных знаний. Но в любом случае третья глава моей пятой повести является поворотным пунктом во всем цикле «Моя Шамбала».

Понять последующие события, рассуждения и умозаключения без материала неоднократно упомянутой выше третьей главы немыслимо. Более того, без этого материала, финал документальной повести явным образом входит в противоречие со всем, что было написано в первых четырех документальных повестях цикла.

Несмотря на подробное изложение всего вышесказанного, руководство издательства «Алфавит» отказалось вести со мной дальнейшие переговоры на данную тему. Признаться, я не мог найти этому удовлетворительного объяснения, учитывая отличные тиражи и успех первых четырех моих документальных повестей. Мне не оставалось ничего другого, как предположить, что издательство «Алфавит» было вынуждено отказаться от сотрудничества со мной по не зависящим от меня причинам.

Именно это заставляет меня обратиться в компетентные органы. Я хорошо помню времена Советского Союза, когда существовал институт «литовки», то есть утверждения литературного материала с точки зрения государственной безопасности.

Разумеется, будучи патриотом своей страны, я понимаю, что государственная безопасность может и вправе требовать безопасности информационной. Поэтому прошу Вас лично убедиться, что изложенный в пресловутой третьей главе материал никоим образом не затрагивает пресловутую государственную безопасность, а касается изысканий научных, если хотите духовных, возможно даже религиозных, но при этом не имеющих ни малейшей направленности, способной поколебать пресловутую рационально построенную вертикаль власти.

С уважением и пониманием. Профессор оториноларингологии, историк, теолог, шамбалист Алишер Эдгарович Курамов

19 октября.

Итак, все трудности позади. Мы прибыли на место, откуда начнется научная экспедиция в горную систему Куэн – Луня. Читатели, знакомые с предыдущими моими документальными повестями, без сомнения помнят, что строго научными выводами исследований Памира, Гималаев и Северных Анд стало заключение, поддержанное ведущими востоковедами мира. Циклопические постройки архаичных цивилизаций, известные, как величайшие вершины мира, являются с одной стороны маскировкой, с другой – прямым указанием на место поисков легендарной Шамбалы.

Научный анализ привел нас сюда, к подножью не столь знаменитого, но не менее величественного горного кряжа Куэн – Лунь. Великое не стремится к дешевой известности. Я всегда считал, что Шамбала с виду неприметна. Но, как верно заметил великий тезка моего глубокоуважаемого отца Аллан По, лучше всего скрыто то, что скрыть не пытаются.

Я прибыл сюда беспосадочным рейсом из Братска на двухмоторном параплане моего большого друга, известного золотопромышленника Артура Закса. Пока что на месте лагеря безлюдно, поставлена одна военно – транспортная палатка, забитая оборудованием экспедиции. Рабочих, доставивших сюда оборудование на вертолетах, я тоже нашел, но они спят на штабеле ящиков. Неудивительно, ведь погрузка должна была отнять много сил. В этот раз мы захватили не только полевые потенциометры для определения направленности магнитных полей, но и рентгеновский аппарат высокой четкости. Все приборы прекрасно выполнены Комбинатом Прецизионной Оптики из подмосковной Ельни.

Я обошел окрестности лагеря. Безжизненная каменистая равнина у подножья гор, и прозрачное небо вселяют оптимизм. Высота над уровнем моря более двух километров ничуть не ощущается моим тренированным организмом. В полукилометре видны корпуса заброшенной советской пограничной базы. Сейчас там уже нет гарнизона, но в бинокль я разглядел двух людей, в военной форме, вооруженных хлыстами, и стадо белоснежных овец.

20 октября.

Меня разбудил рев мотора, несущегося по разбитой горной дороге. На старом армейском джипе прибыли первые двое участников экспедиции. Состав ее обещает быть разнообразным и представительным. За рулем Джипа сидела представительница факультета востоковедения Московского государственного университета, Евгения Плавич. Женя Плавич – милая молодая женщина небольшого роста, с хорошо обозначенной фигурой, автор нескольких статей о статистических закономерностях написания тайских иероглифов, и кроме того интересуется Шамбалой. Это я понял, когда Женя изящно спрыгнула с подножки и сразу узнала меня.

– Неужели это вы, Алишер Эдгарович?

Я сразу сказал, что в экспедиции у нас все запросто, и называть друг друга по отчеству не обязательно. Женя забросала меня вопросами, из которых я понял, что мои документальные повести ей знакомы. Особенно радуется, что не будучи специалистом в оториноларингологии, эта милая девушка заинтересовалась сравнительным анализом гайморовых пазух у хронических курильщиков. Я пообещал ее обучить обращению с рентгеновским аппаратом, а она завершила меня, что с детства питает отвращение к никотину.

Потом я обратил внимание, что в джипе сидит еще кто-то. Женя объяснила, что привезла обещанного переводчика. Парня где-то раздобыл голландский ученый Ван Хаартман, с которым мы подружились по переписке. Причем в письме своем профессор утверждал, что студент не только сможет переводить его лично, но знает двенадцать языков, включая языки горных районов северного Китая. Проверить это Ван Хаартман вряд ли мог, поскольку с грехом пополам говорит даже по – французски, а русский, к примеру, взялся учить за месяц до экспедиции. Предчувствуя лингвистические проблемы я попросил его найти переводчика.

Тот спокойно сидел в джипе, не делая никаких попыток выйти полюбоваться величественной картиной гор. Плавич сообщила, что всю дорогу этот длинноволосый парень уныло молчал, и не поддерживал беседу. Я объяснил Жене, что нельзя судить о людях по первому впечатлению, и гостеприимно распахнув дверь, пригласил нашего переводчика в страну гор, тайн, духовного совершенства, короче, в нашу экспедицию. Переводчик ловко спрыгнул на гравий и представился:

– Вадик Коровин.

Простое русское имя.

Тот же день. Позднее.

Проснулись рабочие. Их зовут Борис и Агей, оба бородатые, и в очках, настоящие геологи из романтических песен восьмидесятых. У Агея даже есть гитара, он ее сразу принялся настраивать. А мы с Борисом тоже не теряли времени, настраивали потенциометр, чтобы измерить электромагнитные поля в спокойной обстановке предгорья. Каждому научному эксперименту необходим отрицательный и положительный контроль, о чем зачастую забывают европейские и америкаские исследователи Шамбалы.

Вечером мы собрались в кружок у костра, и спели «Бригантину». Никто не курит. У Жени очень приятный грудной голос, а Вадик Коровин заснул.

21 октября.

Утром, пока еще все спят, мы с Борисом пробрались на заброшенную пограничную базу. Борис нес потенциометр, а я разыскал в красном уголке неплохую библиотеку. Чабаны появились позже, и пока Борис наблюдал за ними через пробойну в стене, я нашел то, что мне нужно – самоучитель голландского языка. Переводчик переводчиком, а приветствовать Ван Хаартмана, знаменитого востоковеда и специалиста по Куэн – Луню я хотел бы лично. Очень полезно, что в экспедиции окажется представитель университета Сорбонны, одного из старейших в Европе.

Заслонив пробойну в стене портретом Дзержинского, мы с Борисом измерили электромагнитное поле. Оно исчезающе мало. Неудивительно, после того, как в этом здании царила идеология примитивного марксистского материализма, отрицающего связь духовных верований прошлого с электромагнетизмом.

На обратном пути нас встретил Тойли. Верные мои читатели хорошо знают этого старика, знатока гор и обычаев, не раз выручавшего нашу экспедицию раньше. На этот раз Тойли поведет нас в самое сердце Куэнь – Луны, если ему позволят духи. Пока они ему позволяют. Знакомая тощая фигура, завернутая в засаленный халат, появилась на фоне неба, когда мы проползали по расщелине. Он помахал нам рукой, и указал на восток. Это означает, вопрос, на чем мы собираемся ехать. Вопрос важный, потому что дальше джипы не пройдут.

Никогда не мог понять, сколько лет Тойли.

Позднее.

У нас будут ослики. Я связался с Заксом по рации, и он сказал, что уже заказал шесть ослов по количеству участников экспедиции. Объявляя об этом, я показал ладонями уши над головой, и Плавич радостно зааплодировала. Потом погрустнела. Она, оказывается, где-то прочитала, что по Куэнь – Луню принято путешествовать на мулах. Я сказал, что ослики это почти мулы, но она что-то дуется.

Вадика Коровина у костра не оказалось, хотя уже одиннадцать часов. Я быстренько влез в его одноместную, оранжевую палатку и с ходу спросил по – голландски. Переводчик, оказывается, брился. И, услышав вопрос «сколько масла ты собьешь в своей ступке пести-

ком, если твоя корова не видела быка третий месяц?», так и застыл с намыленной щекой. Я повторил вопрос, придав голосу угрожающие ноты.

Я хорошо знаю это выражение в глазах нерадивого студента – как у собаки, все понимает, но не говорит. Приглядевшись к Вадику, я понял, что это и есть студент. Прислали какого#то нестриженного вундеркинда из языкового. Такие люди в экспедициях не выживают.

Тут Вадик Коровин наконец#то проглотил умственную жвачку и спросил:

– Это вы, Алишер Эдгарович, что ли по самоучителю Верховенского шпарите?

Я вытащил книжку из кармана штормовки. Действительно оказалось, «под редакцией профессора Верховенского, 1936 год».

– Вы понимаете, – сказал Владик Коровин, вытирая лицо бумажным полотенцем, – книжка конечно хорошая, но ей все#таки восемьдесят лет в обед. И вот это выражение, которое вы сейчас произнесли, это не загадка, как вы может быть думаете, а довольно#таки скабрезная идиома, которой голландские моряки выражали... Ну это неважно, что они выражали. Вы главное, не повторите этого при Ван Хаартмане, или его супруге.

Впечатляет. Я потряс руку студенту, и спросил его, где он учился, и откуда знает, что Ван Хаартман женат. Он промямлил что#то вроде «Липецкий педагогический...». Неужели из Липецка посылают на стажировку в Сорбонну? Тогда у России есть будущее.

22 октября.

День осеннего равноденствия. Собственно говоря, эзотерически верно начать экспедицию именно сегодня в полдень, с поправкой на поясное время. Зная это, появился Тойли, все в том же халате, повязавший вокруг головы праздничную шелковую ленту. Но мы ждем Закса и Ван Хаартмана.

Женя Плавич сварила старику национальный памирский чай, зеленый, с солью и маслом, чем немало старика удивила. Со мной она все еще не разговаривает. Борис шьет упряжь, Коровин уединился в палатке и читает ноутбук. Я заметил, как Агей, выйдя из палатки с гитарой, машинально достал из кармана портсигар, но поймал мой взгляд и, не открывая, запихал его обратно. Бездействие губительно для исследовательской партии. Чабаны наблюдают за нами в бинокль.

23 октября.

Чтобы мобилизовать силы, я устроил показательные тренировки по пользованию рентгеновским аппаратом. Чтобы получить четкий фотоснимок гайморовой пазухи в обычных условиях требуется месячная подготовка, но Женя, Владик и Агей обучились за пару часов. Вот что значит прецизионная техника завода из подмосковной Ельни. Словно школьники они радовались, разглядывая изображения черепов друг друга, а потом захотели сфотографировать гайморовы пазухи старика Тойли. Тойли отбежал за ближайший валун, и снял с головы белую повязку. Я подозвал расшалившуюся молодежь и велел вечером прийти к костру, чтобы прослушать лекцию об уважении к местным обычаям.

Вечером того же дня.

Сегодня лучший день за время экспедиции. Мы помирились с Женей, она сказала, что такой лекции не слышала даже в МГУ. Сначала специально приглашенный к костру Тойли при помощи нашего переводчика объяснил, что фотографироваться в рентгеновском аппарате запрещают ему горные духи. Я предложил провести мозговой штурм, и выдвигать версии, предполагающие научное объяснение этого феномена. Борис сказал, что дело возможно в инфразвуке. Агей сказал, что его дед тоже отказывался делать флюорографию. Женя Плавич вспомнила Фрейда, и попыталась расспросить Тойли о его детских комплексах, но Владик Коровин расхохотался и переводить отказался, сославшись на то, что краснеет.

И тут выступил я. Я напомнил теорию, по которой функция гайморовых пазух в универсальном резонансе. Подобно тому, как звуковой резонанс создает особенности нашего голоса, электромагнитные резонансы способны даровать человеку то, что мы обычно называем аурой и паранормальными способностями. Современный человек утратил это умение, и не нуждаясь в нем, подвергает свои гайморовы пазухи любому риску, включая никотиновую интоксикацию. Но Тойли другой. Он вырос в этих горах, и до сих пор вольно или невольно несет в себе генетическую память духовных и физических практик, которыми обладали представители древней цивилизации.

Выслушав перевод моих слов, старик степенно кивнул, а потом поднялся и, подойдя к краю глубокого обрыва, устремил руку на запад и замер. Некоторое время царил тишина, только костер потрескивал. И вот издали донесся приглушенный, но мощный гул. Медленно, но неуклонно он нарастал, потом по звездам скользнула огромная черная тень, и Женя Плавич сказала «Мамочки!», но тут же загорелись посадочные прожектора, и огромный двухвинтовой вертолет с эмблемой НАТО на борту безошибочно опустился в ста метрах от нашего лагеря.

По ярко освещенному трапу сошел мой большой друг, профессор Ван Хаартман, и его стройная, юная, черноглазая и молчаливая жена. Следом боец голландских ВВС вывел двух оседланных белоснежных мулов. Ван Хаартман, как я погляжу, обожает театральные эффекты. Старик Тойли, и без того истощенный духовным упражнением, побелел, как мел при виде боевой машины, и рухнул на руки Бориса и Агея.

24 октября.

Можете себе представить, ее зовут Ирина. В жизни я не видел женщины более красивой и более молчаливой. На все вопросы она отвечает либо «возможно», либо «безусловно», и практически не улыбается. Моих предыдущих книг она не читала, что конечно задевает, но и предоставляет возможность рассказать о моих поисках Шамбалы, начавшихся много лет назад с анализа рентгеновских снимков пациентов, страдающих гайморитом. Слушает Ирина внимательно, только иногда поправляет косу, достигающую подколенок. Как она с этой косой пойдет в горы, я не знаю, но предложить подстричься не решаюсь.

Мой большой друг по переписке Ван Хаартман оказался румяным здоровяком, который, как настоящий голландец, на все вопросы отвечает «Я – а», а потом категорически возражает на ломаном русском, освоению которого он видите ли «обязан минхерц Вадик». Минхерц Вадик все сидит в своей палатке, выбираясь оттуда только чтобы поймать сигнал со спутника для выхода в интернет. Я пытался объяснить парню, что интернет – зло, и что аккумуляторы в горном массиве зарядить негде. Он вежливо отмахнулся:

– У меня батарея месяц держит, в рабочем режиме.

А вот у меня неделю в режиме ожидания. Но этого я ему не сказал, потому что он уже ушел фотографировать на веб – камеру Женю Плавич на фоне голландских мулов.

У Плавич, как выяснилось, довольно противный смех.

25 октября.

Ну, наконец#то! Ну, слава богу!

Теперь все в сборе. На своем двухмоторном парашуте прилетел из Братска Закс. И прямо, как приземлился, спросил:

– А чего вы ждали#то? Шли бы без меня!

Это он хотел, чтобы я еще раз во всеуслышанье объявил, кто спонсирует экспедицию. Но вместо этого я велел командовать сигнал к отходу. Ван Хаартман сказал «Я – а» и спросил, на чем поедут остальные господа? Его жена Ирина уже сидела, одетая в платье для вер-

ховой езды, в дамском седле на спине одного из мулов. Другой был нагружен багажом Ван Хаартмана, сильно напоминающим скарб поселковой кинопередвижки.

Я не нашел, что ответить, потому что стоящие у войсковой палатки Агей и Борис тоже растерялись, прикинув, как потащат потенциометры на руках. Но тут Владик Коровин, который сидел на камне, и вместе с Женей Плавич разглядывал ее фотки в так называемом «Контакте», так вот, Владик, поднял взгляд от жидкокристаллического экрана и кивнул мне на безлюдную каменистую равнину.

Студент куда наблюдательнее, чем показался мне с первого взгляда. От бывшей пограничной базы двигались два чабана, и гнали перед собой ровно шесть ослов. Ослы не то, чтобы белоснежные, серенькие и на вид неказистые, но их шесть.

Я бы назвал чувство юмора золотопромышленника Закса своеобразным.

26 октября.

Прошли шесть километров. Старик Тойли идет впереди, прокладывая дорогу мулам. Ирина отлично держится в седле.

27 октября.

Прошли пять километров. На четвертом я почувствовал запах табачного дыма и, обойдя весь караван, обнаружил, что профессор Сорбонны Ван Хаартман держит в зубах глиняную трубку. Я на всякий случай сказал «Но смокинг», на что он ответил «Я – а» и задымил, разумеется, еще сильнее.

Мы разбили лагерь на уступе базальтовой скалы. Старик Тойли тут же сел в глубокий снег и принялся медитировать, остальные, чертыхаясь на разных языках, стали вколачивать колышки палаток в редкие расщелины. Я подошел к Ирине и вполголоса попросил воздействовать на мужа. Я рассказал ей о точнейших статистических данных, согласно которым люди, подверженные табакокурению, теряют способность к телекинезу и астральной связи, даже если до того обладали таковой. На глазах у Ирины блеснули слезы. Я понял, что эта благородная женщина искренне переживает за супруга, и – восхищенный искренностью ее чувств – дружески поцеловал тыльную сторону ее левой ладони.

28 октября.

Меня раздражает поколение, которое ничего кроме интернета не видит, и ничем, кроме «Контакта» не интересуется. Вокруг нас удивительная, не тронутая цивилизацией природа, чудесные пейзажи, неисследованные стороны энергетической картины мира.

Ну, допустим, Тойли не помнит, где здесь перевал, ну забыл старик, с кем не бывает. Но он же ясно обещал, что вернется к вечеру. Возможно, рельеф местности изменился за последние годы из-за тектонической активности, или схода лавин. Но зачем же устраивать посиделки с гитарой, да еще и демонстративно не звать на них старшее поколение? По – моему, Женя Плавич элементарно ревнует Ирину к успеху, которым та пользуется в экспедиции.

Закс мрачен. Что-то у него там в Братске случилось, и теперь экспедиция не в радость. А ведь еще полгода назад, когда я отучал его курить, он клялся, что перед ним открылся новый мир духовных возможностей.

29 октября.

Тойли вывел нас на плато. Вдали виднеются столовые горы *(Гора с усеченной, плоской вершиной. Как правило столовые горы сложены из осадочных горных пород. Склоны такой горы обычно крутые, почти отвесные.), удивительно напоминающие своими очертаниями панораму Манхэттена. Несмотря на усиливающийся поземок, развернули один из

потенциометров. Ван Хаартман немедленно прыгнул с мула и артистически замерил магнитное поле. Все желающие могли убедиться, что небольшие магнитные аномалии определяются к юго – востоку плато. Голландца это очень развеселило, он кричал «Я – а!», и хлопал себя по бедрам меховыми рукавицами.

Его жена очень страдает от мороза, у нее обмерзла коса. Старик Тойли решительно воспротивился движению на юго – восток. Владик Коровин, с трудом убирая с глаз обмерзшую черную челку, объяснил, что старик опасается: проложив маршрут таким образом, мы в конце концов выйдем к великой реке Хуанхэ, а речные духи значительно опаснее горных. Женя Плавич сказала, что еще немного потенциометрических замеров и у всей экспедиции начнется гайморит.

Вечером того же дня.

Хотел поговорить с Плавич, чтобы восстановить нормальную рабочую атмосферу в походе. Но когда я засунул голову в ее палатку, где варился зеленый чай, первое, что я заметил – это ноутбук на складном табурете. На экране ноутбука был сайт «В контакте», а на страничке сайта красовалась фотография: профессор оториноларингологии Курамов на фоне девственных гор целует руку Ирины Ван Хаартман, и вид у него, как у распутного полупьяного гусара. Я не сказал ни слова и ушел.

По – моему это подлость.

30 октября.

Прошли шесть километров. Артур Закс едет позади всех и постоянно пытается с кем-то говорить по сотовому. Связь очень плохая. Поэтому он беззвучно шевелит губами, потому что я его предупредил – из всей русской речи старик Тойли лучше всего понимает матерные ругательства.

31 октября.

Артур Закс закурил. Я увидел это, оглянувшись. В зубах у золотопромышленника, входящего в десятку самых богатых бизнесменов Восточной Сибири, папиросы «Казбек», какие стеснялись курить еще интерны – отоларингологи во времена моей студенческой молодости.

Вот мы и на территории Северного Китая.

1 ноября.

Все. Нет у студента больше ноутбука. Евгения Плавич экспроприировала его окончательно, и выходит в интернет, не слезая с осла. Насколько мне отсюда видно, она подбирает там какие-то прически. Впрочем, это уже неважно, одного заинтересованного участника из состава экспедиции можно вычеркивать. Что характерно, наш переводчик ничуть этим не обескуражен.

К полудню ветер, текущий со склона, разорвал туман, и километрах в тридцати на горизонте обозначился пик, никак не меньше семи тысяч метров. Борис предположил, что это и есть пик Коммунизма, но Владик Коровин поправил его. В начале двадцатого века неумные географы молодой Советской республики нанесли на карту много крупных гор в этом уголке мира. Самую высокую конечно называли пиком Коммунизма, горы чуть поменьше соответственно именами Ленина, и всяких вождей. И только один из географов, молодой и энергичный Станислав Кшиштофович Деревацкий, из Пензы проявил оригинальность. Воспользовавшись тем, что нашел гору между пиками Дзержинского и Урицкого, он, ничтоже сумняшеся, нанес на карту свою фамилию.

Но не спешите обвинять молодого русского ученого в тщеславии. Ведь на карте появился отнюдь не пик Деревацкого. Гора стала называться пиком Деревацкой, в честь жены географа, Екатерины Деревацкой.

Конечно же Станислава Кшиштофовича расстреляли года через два, и коллеги по цеху только головами покачивали, это ж надо же, как опростоволосился юноша. Но через некоторое время по той же пятьдесят восьмой статье забрали и тех, кто покачивал головами, а вот гору переименовывать никто не спешил. Черт их знает, этих революционных поляков, видимо рассуждали местные власти. Не надо их трогать.

И вот пик Деревацкой остался стоять на месте после пятьдесят шестого, когда исчезли даже пики Сталина, Жданова и Молотова. И стоит по сей день, хотя нет уже никакого Союза, и крестный отец одной из гор Феликс Дзержинский давным – давно превратился в Омара Хаяма, а очутившийся по другую сторону границы пик Урицкого обернулся столпом Конфуция, если конечно разобраться в иероглифах. Вот так любовь географа Деревацкого пережила века, эпохи и империи.

Неторопливо ведя своего осла в поводу, Владик Коровин рассказывал все это Ирине, которая совсем уже окоченела в своем дамском седле. К концу рассказа она откровенно разревелась, очевидно от холода. Зато рассказ пришелся очень по душе раздумывавшемуся больше обычного на морозе Ван Хаартману. Хлопая рукавицами по бедрам своего мула, он заорал «Я – а!», и, поскольку ехал впереди всех, простым поворотом поводьев направил всю экспедицию в глубокий снег. Старик Тойли, который с трудом нашел нам безопасную тропинку в долину, чуть не разрыдался следом за Ириной.

Тут Плавич оторвалась от виртуального пространства и назидательно сказала мне, что обижать людей, которые тебе доверились, нечестно и неправильно.

3 ноября.

Очень глубокий снег. Надо было слушаться Тойли.

7 ноября.

Мы, кажется, спустились с пика Екатерины Деревацкой. Студент отстал. Он утверждает, что сегодня великий праздник, и решил оставить на вершине красный стяг из лыжной палки и шарфа золотопромышленника Закса, чтобы почтить память наркома Урицкого. Артур Закс стоит рядом со мной, и мелко дрожит от сдерживаемой ярости. Я вижу, что экспедиция не доставляет ему удовольствия. Один из ослов пал при восхождении. Хорошо себя чувствует только Ван Хаартман и его мулы.

По – моему, все катится в пропасть. Это я почувствовал, когда увидел, что Борис стреляет у Закса папиросы.

8 ноября.

Я отпустил своего бывшего друга Артура Закса с миром. Беседа в палатке длилась всю ночь. Он признался мне, что курс платины к золоту резко подскочил как раз накануне нашего выступления. Он сообщил мне, что профсоюзы артельщиков на Алдане устроили итальянскую забастовку. Он всячески заверял меня, что по – прежнему интересуется древними цивилизациями и все так же благодарен мне за лучшие дни в его жизни, шесть месяцев, когда он не курил. Но он чувствует, что его гайморовы пазухи уже не восстановятся, и телекинез с левитацией – это не для него.

Я видел, что он кривит душой, но не сказал этого. Крепко пожал ему руку и напомнил, что у каждого своя дорога.

В конце концов и ослов у нас теперь только пять.

9 ноября.

Ночь.

Семейный скандал в палатке Ван Хаартманов. Сквозь рев бури я слышал плач Ирины и ее крики «Ложь! Ложь! Обман!». Эти слова она произносит так же напевно, как и свои вечные «Возможно» и «Безусловно».

8 часов 15 минут утра.

Когда я с трудом отодвинул снег от двери палатки и вышел, в бледном рассвете, на молочно розовом снегу я увидел черное пятно – халат старика Тойли. Судя по нарастающему кругом снегу, старик всю ночь просидел в состоянии саматхи – близком к клинической смерти, когда душа медитирующего, по слухам, отделяется от тела и путешествует в параллельные миры. При моем появлении он медленно открыл щелки своих глаз и внезапно на чистом русском языке произнес: «Вижу зло. Вижу много зла за южными горами. Оно скоро будет здесь. Духи реки не пустят нас». Я принялся его тормошить, но старик был холоден, как лед, и снова зажмурился. Я уверен, что придя в себя, он не вспомнит ни единого русского слова. Подобный феномен описан в литературе.

Какие-то черные птицы стаями собираются на отрогах пика Деревацкой.

10 часов

Старик все еще сидит между палатками, его приходится обходить при приготовлении пищи. Ван Хаартманы появились из своей палатки. У Ирины заплаканное лицо, а этот румяный боров весел и бодр, как всегда, и желает прогуляться до завтрака. На что сложный человек Плавич, и та сделала ему замечание. Но профессору Хартману хоть кол на голове теши. Достало меня писать это дурацкое двойное «а».

11 часов

Хартман-таки ушел вниз по склону. У Закса жар, его продуло на горе, он очень хочет уехать, буквально бредит Братском. Евгения сварила всем какао, и добавила туда по ложечке виски. Сидим тесным кружком у палаток, греемся. На Тойли холодно даже смотреть. Владик пытается развлекать нас анекдотами из жизни героя Антарктики, Роберта Скотта.

В полдень послышался мотоциклетный треск и прямо по глубокому снегу к нам подкатил новенький красный снегоход, весь в китайских иероглифах и целлофановой пленке. За рулем восседал героический Хартман, самодовольства которого хватило бы на десяток ковбоев. На резонный вопрос Евгении, что сей цирк означает, он, коверкая слова больше обычного, объяснил, что нашел снегоход в двух километрах отсюда, занесенный снегом. Шел, знаете ли, шел, и саночки нашел.

Я пытался втолковать, что это не наш снегоход, что брать чужое нехорошо, что у нас будут неприятности с китайскими властями. Разумеется ответом было «Я – а!». Мулы так и шарахнулись от рева этого механического чудовища, а Тойли снова открыл глаза, на этот раз широко, и махнул рукой на юг, словно чертей отгонял.

– А кто со мной прокатиться? – орал тем временем наш смелый наездник. Боря? Агей?

Что характерно, ни одной из дам голландец места на снегоходе не предложил. Агей, очевидно стесняясь отказать человеку, у которого вчера одолжил трубку покурить, неуверенно уселся позади развеселого профессора. Такими они и запомнились мне – румяный, очкастый Хаартман, и бородатый работяга в ватнике, с гитарой за спиной.

15 часов.

Над нами завис вертолет с гербом города Братска и красным крестом на дверцах. Вместо лыж у него шасси, и садиться пилот не рискнул, просто выбросил веревочную лестницу. Насколько можно судить по маневрам, пилот сильно нервничает, понимая, что пересек несколько государственных границ, и ему еще домой возвращаться. Сотрясаемый ознобом Закс полез по шатающимся в воздухе перекладинам, на верхней задержался, и обращаясь ко мне крикнул:

– Алишер, ты мне ничего не должен!

Должно быть, он хотел меня обрадовать.

Где#то в горах слышится долгий тоскливый гул. Возможно сотрясение воздуха винтами вертолета вызвало сход лавин.

18 часов

Обходя лагерь, обнаружил целую грудку окурков «Честерфильда». Такое бывает, когда вытряхивают консервную банку, использованную неоднократно в качестве пепельницы. Мне казалось, что я узнал уже все пороки участников моей экспедиции, оказывается я ошибался. Кто? Женька? Владик? Ирина? Мысль об Ирине вызвала тупую боль где#то в сердце. Если эта женщина не смогла справиться с собой после всего, что испытала, я не смогу ее осудить.

Чтобы выяснить это разом, я заглянул в оранжевую палатку студента Коровина, где и одному#то тесно, и где тем не менее находились двое – он и Евгения. Хихикая, они пилились в ноутбук, а рядом стояла воняющая табачным перегаром жестянка, где уже белел новенький окурочок.

Я протянул руку и взял консервную банку. Трудно это не составило, палатка маленькая.

– Кто?

– Ты мешаешь нам работать, Алишер! – холодно заметила Плавич. При этом она пыталась закрыть какие#то окна на мониторе. Виндоуз, как это ему свойственно, отвечал растерянными тилибомканьями. Я вытянул шею и заглянул, что они там изучают. Ничего особенно неприличного. Брачные игры ламантинов.

– Я спрашиваю, кто выбрасывает окурки на снег в окрестностях Шамбалы? – повторил я вопрос. По – моему я говорил достаточно спокойно.

– Не надо на меня орать! – сказала Женя Плавич. – Не надо агрессии в окрестностях Шамбалы.

– А может быть не надо хамить старшим?

– А может быть не надо слишком много о себе воображать?

– А может быть не надо было говорить, что читала мои статьи?

– А может быть не надо было заглядываться на эту идиотку с волосами до пяток?

– Алишер Эдгарович, – сказал Владик Коровин: – это я курил «Честерфильд». Это решает проблему?

И в этот момент мы услышали крик издалека.

– Скорее! Скорее! Там что#то случилось!

21 час.

У нас проблемы.

11 ноября.

Черт их разберет, что за люди местные полицейские. По – моему, на вид это никак не китайцы. В любом случае их понимает только Владик Коровин, но следом за Владиком постоянно ходит Женя Плавич с демонстративной сигаретой в зубах.

Снегоход и профессор Ван Хаартман так и лежат под огромной прозрачной льдиной, сорвавшейся в пятидесятиметровую щель. В бинокль отлично видно иероглифы на раздавленном бензобаке и широкую заледенелую улыбку румяного голландца. Невдалеке лежит раздавленная гитара.

Хотя мы остаемся на месте, больше не мерзнем, поскольку на склоне Деревацкого пика поставлены две военные палатки китайской народной армии с подогревом. Там нас держат под домашне – палаточным арестом.

Похоже, из всей экспедиции только я в ночь перед преступлением слышал крики из палатки Хаартманов. Еще мог их слышать старик Тойли, но его увезли на санитарном снегоходе. Говорят, переохлаждение. Я никому не рассказал про крики «Ложь!» и «Обман!» в ночь перед гибелью ее мужа. Вдруг наш честный студент как#нибудь не так переведет?

12 ноября.

Расследование зашло в тупик. Нам не дают возможности пользоваться рацией, а сотовые телефоны здесь не ловят точно. На вчерашнем допросе я понял, что мне не верят. Видите ли, не могли доблестные китайские пограничники проглядеть санитарный вертолет, увезший Закса. И, видите ли, курс золота к платине за последние два года ни разу не падал и предполагать такое нелепо.

13 ноября.

Говорят, при попытке перехода границы задержан Агей. Нам с ним, естественно, поговорить не удалось. Вообще, режим довольно свободный – гуляй хоть днем, хоть ночью. Все равно без ослов и мулов мы отсюда далеко не уйдем. Мулы очень понравились здешним полицейским. Они хлопают себя по бедрам и причмокивают.

14 ноября, ночь.

Удивительная ночь. В соседней палатке заунывно поет под гитару Борис. А мы беседуем с Ириной при свете звезд. У нее была очень тяжелая жизнь. Она родилась в Липецке, рано закончила школу, поступила работать в цветочный магазин и была отправлена на стажировку по выращиванию тюльпанов в Гаагу. Там и познакомилась с будущим мужем. Он интересовался тюльпанами. Этот профессор университета, оказывается, интересовался чем угодно, генной инженерией, цветоводством, поисками Шамбалы. Потребовалось выйти за него замуж и промучаться года три, чтобы понять, кем он был на самом деле.

Обыкновенным самодовольным проходимцем, только и ждущим, чтобы урвать от каждого благородного начинания кусочек пожирнее. Никаких подарков Ира не видела со дня свадьбы, даже мулы эти несчастные были не куплены, а взяты на обкатку в питомнике каких#то швейцарских генетиков, акционером которого, конечно же, был профессор Хаартман. Чтобы сфотографировать их высокую проходимость в условиях высокогорья и вывести на международный рынок продукт исследования швейцарских друзей.

Чертовски утомительно вести беседу, когда собеседник отвечает только «возможно и безусловно».

И еще. Оказывается, в Липецке нет никакого педагогического института!

15 ноября. Ночь.

Как сообщить полиции о подозрениях в отношении переводчика, если общаешься с полицией через переводчика? Размышляя об этом, я стоял над пятидесятиметровой трещиной, где нашел свое упокоение Хаартман. Китайцы – непохожие на китайцев – лазали туда раз десять, со страховкой и крючьями, но ничего, по – моему, ценного не нашли.

Интересно, что если замерить магнитные поля над местом трагедии? Вопрос чисто теоретический, поскольку Борис впал в депрессию и ничего кроме гитары в руки не берет.

В темноте послышался хруст снега. Владик Коровин вышел на свет моего карманного фонарика и даже не зажмурился. Под мышкой он нес ноутбук, а в руке моток веревки. Но никакого страха я не почувствовал. По предыдущим моим книгам читатели должны знать, что в студенческие годы я занимался боксом и штангой. Предупредить об этом Владика я не успел, потому что он сказал:

– Подержите пожалуйста, Алишер Эдгарович. Только не включайте пока, батарея совсем дохлая.

Я остался стоять с его ноутбуком в руках, а студент полез по скале. Но не вниз, туда, где блестела в свете фонаря многотонная ледяная глыба, а вверх, туда где она оторвалась от намерзшего за столетия ледяного козырька. Цепляясь металлическими набойками на сапогах и пальцами за выступы базальта, он добрался примерно до середины стены, и только там вбил пару крючьев, протянул через них петлю веревки, балансируя на одной руке, и отправился дальше, в сторону, где раковиной выгибался свежий ледяной скот.

Там он шарил по трещинам в камне, пока не извлек что-то тонкое, с расстояния тридцати метров в темноте неразличимое. Потом с довольным восклицанием протянул руку к самому льду. Казалось, что ему не дотянуться. Тогда переводчик с размаху заколотил два или три крюка в трещину, показавшуюся ему надежной, сделал из веревки несколько восьмерок вокруг металлических штырей. И прыгнул.

Все это время я стоял, слегка приоткрыв рот, и тысяча возмущенных, предостерегающих, дружеских и отеческих советов, из которых главным был «Брось, не дури!», теснились у меня в горле. Но у меня хватило ума не подавать их человеку, болтающемуся на тонкой веревке, которая при случае должна охранять его от падения с тридцати – или пятидесяти, как повезет – метровой высоты.

Когда он прыгнул, раздался резкий скрежет, веревка скользнула по крючьям, натянулась, но не порвалась. Падая вдоль стены, студент успел вцепиться в какие-то ошметья, защемленные в скале метрах в пятнадцати надо мной. Раздался треск рвущейся ткани, но это была не веревка, потому что она опять выдержала и качнула Владика, как маятник, сначала над пропастью, где лежал голландец, а потом обратно, на уступ, где стоял я. И тогда Владик отпустил веревку, и мягко, в кувирке, упал на снег.

Я подбежал к нему, на бегу вспоминая приемы оказания первой помощи. Владик поднялся сам, и прежде всего отряхнулся от снега. Потом протянул мне грязную, засаленную тряпицу и выжидательно протянул руку. Я понял и отдал ему этот треклятый ноутбук.

– Обычное взрывное устройство, – пробормотал Владик, тревожно вглядываясь в монитор – загорится ли, – управляемое по радио. Вот проволока витая, это антенна. Сама адская машина конечно не сохранилась, я думаю так граммов на двести эквивалента рвануло. Конечно лед треснул, и смахнул снегоход.

Ноутбук включился, и брякнул на экран табличку – «батарея почти разряжена».

– Ничего, нам хватит, – сказал Владик и в два щелчка добился надписи – «подождите соединения со всемирной паутиной». – Вы конечно, узнали тряпочку, Алишер Эдгарович?

Я призвал на помощь все умения, почерпнутые от великого тезки моего уважаемого отца. Тряпочка была отменно грязная, засаленная и пахла немытым человеческим телом.

– Тогда посмотрите сюда, – сказал студент, и указал на монитор. Сперва я ничего не понял. Радостно улыбающийся китаец в галстук и сорочке обнимал за шею какое-то животное, а кругом мигали знаки доллара и евро, как обычно бывает на сайтах, которые только прикидываются, что хотят сообщить вам информацию, а на деле хотят получить с вас деньги.

– К сожалению человек в наши дни неотделим от того, что на него надето, – с какой-то грустью сказал переводчик моей экспедиции. Попробуйте представить этого жизнерадост-

ного бизнесмена, когда от него пахнет не дезодорантом и кремом для бритья. Когда ему холодно. И когда мул, которого он сейчас обнимает, принадлежит и не ему вовсе, а заезжему голландскому фермеру, у которого мулы генномодифицированные в Швейцарии. Они, разумеется, и лучше, и красивше, а голландцу только и требуется, что захватить рынки к югу от реки Хуанхэ. Тут поневоле и духов реки вспомнишь, и медитацию в снегу устроишь, лишь бы алиби понадежнее... Как я узнал? Местные проводники никогда не идут по снегу прямо вперед, а движутся ломанной линией, вроде корабельного противолодочного зигзага. Ваш голландец об этом что-то слышал краем уха и пытался, пусть неудачно, следовать народной мудрости. А ваш проводник даже не пытался. А еще ваш проводник вязал виндзорские узлы вместо обычных.

Я еще раз поглядел на тряпицу у себя в руке. Это была криво оторванная пола от халата старика Тойли.

Я посмотрел на экран ноутбука. И прежде, чем он, мигнув, погас, я узнал веселого богатого китайца в пиджачной паре.

Это был старик Тойли.

1 декабря.

Сегодня грустный и радостный день в моей жизни. Радостный, потому что в жизни каждого, кто посвятил себя духовному совершенствованию, выход на новый этап есть и цель, и награда. И грустный, как всегда бывает, когда дороги судьбы разводят тебя с Наставником.

Да, именно Наставником я могу, хочу и буду называть этого человека, несмотря на нашу очевидную разницу в возрасте. Ученый не должен быть тщеславен и суетно горд. Нелегкая школа оториноларингологии приучила меня признавать ошибки, даже если к ним вели годы и годы упорного труда. Я неверно представлял себе этот мир. Я пытался поверить алгеброй гармонию гор и примитивными техническими средствами замерить духовное. Наставник продемонстрировал мне это тактично, ненавязчиво, не укорив ни единым словом. Истинный такт свойствен истинным мыслителям.

Мы сидели в небольшой закуской на берегу Хуанхэ. Обеденный зал, стилизованный под итальянское патио, был увит жимолостью, несмотря на морозную погоду и заполнивших его шоферов – дальнобойщиков – вполне типичных китайцев, на которых, в отличие от местных полицейских, приятно посмотреть. Впервые с момента, когда полиция освободила нас от всех подозрений, мы могли спокойно перекусить обедом из трех блюд. Вместо ска-терти мы постелили карту Куэн – Луня, а ноутбук Наставника подключили к розетке переменного тока, чтоб зарядился.

– Видите ли, Алишер Эдгарович, – как всегда говорил Владик, – ваше предложение очень лестно. И все-таки я вынужден отказаться от итогового восхождения на Куэн – Лунь в обозначенном вами районе.

Признаться, я оказался обескуражен. Путешествовать в компании Наставника оказалось настолько удобно, что все дальнейшие планы экспедиции я строил именно из расчета пешей партии в два человека.

– У каждого свой путь в жизни, – сказал Наставник просто: – вы, Алишер Эдгарович, непременно найдете свой Город Богов, а мне пора возвращаться к суетной жизни. Я уж не говорю о том, что в этом районе я уже лазал.

– Но друг мой! – вскричал я, не в силах сдержать чувств, – куда же вы пойдете, совсем один в этой дикой провинции?

Не успел я договорить, как раздался рев двигателей. Я уже научился с ходу определять вертолетные моторы разных стран, и теперь мог бы поручиться, что это не натовский двухвинтовик, и не санитарная коляска золотопромышленника Закса. Отодвинув жалюзи,

мы посмотрели в окно. За скоростным хайвеем, разметывая снег, садился вертолет МИ без опознавательных знаков.

– И помните, Алишер Эдгарович! – сказал мне на прощание Наставник, озабоченно выключая ноутбук из дрянной китайской розетки: – буйная фантазия и здравый смысл лишь разные стороны фальшивой медали, зовущейся жизнью!

Пораженный глубиной этого, последнего изречения, человека, перевернувшего мое мировоззрение, я только, молча, чтобы не дрогнул голос, протянул ему специально купленную пачку «Честерфильда». В знак примирения, и терпимости к чужим порокам, о которой так часто говорил Наставник. Но он только кротко улыбнулся:

– Да ведь говорил же, что не курю я, Алишер Эдгарович! – и вышел в дверь, не забыв в дверях поклониться, как полагается по местным обычаям, кулак к ладони, и сказать шоферам – дальнобойщикам: – Удачи вам, джентльмены!

Таковы были события, знакомство с которыми совершенно необходимо для понимания четвертой главы пятой из моих документальных повестей, каковая глава носит название «Легенды о Шамбале, мракобесие и истина – две стороны одной медали».

Как видите, я ничего не утаил ни от Вас, ни от потенциального читателя. Я очень надеюсь, что теперь очевидна необходимость публикации именно третьей главы моей пятой документальной повести. Ведь именно в ней герой, автор, а вместе с ним и читатель испытывает духовное перерождение. Переход от примитивных представлений о потенциометрии, как основном способе поиска следов древних цивилизаций, и вреде курения к другим, более прогрессивным взглядам, которых я имею честь придерживаться в настоящий момент.

Выбросив эту главу из текста повествования, мы оставили бы читателя в тягостном недоумении, почему, начиная с четвертой главы, автор опровергает то, что на протяжении последних пяти лет неизменно утверждал. Надеюсь, что грамотный редакторский подход к тексту позволит устранить это досадное недоразумение, и пятая из моих документальных повестей, наконец встретит ждущих ее читателей.

С уважением и пониманием. Профессор оториноларингологии, историк, теолог, шамбалист, скалолаз Алишер Эдгарович Курамов

Глава 4

Понедельник. День все еще солнечный

Сейчас Валерка дрыхнет, а через полчаса в апартаменты Тамары ворвется Папин строгий голос, и вот тогда он, Валерка, как миленький побежит в столовку кушать карпа жареного и слушать наставления сразу Василь Аксеныча и Лотты Карловны. В стереоварианте, так сказать.

– Идите в столовую, – сказал я Министру: – там сегодня вкусно. Перекусите, мир сразу красками заиграет. А про суденышко ваше мы подумаем. Как у Принца настроение будет.

Он ушел, а я прикинул, не тряхнуть ли стариной и не пробраться ли на третий этаж прямиком в спальню по наружной стене. Но Сережа Вихорь со школьных времен прибавил сорок кэга живого веса, и стены теперь не совсем для меня. Принцу Принцево, а Вихорю Вихорево. Просто занятно было бы застать Валерку Бондаря, безобразно расхристанного после вчерашней попойки.

Папа – человек настырный и за последние три года он племяннику вверил несколько государственных дел. Все их Бондарь загубил с разной скоростью и шиком. Первым делом Папа поручил ему разработку альтернативных источников энергии на территории всей страны. И Валерка потратил уйму денег на командировки в Голландию, где по утрам смотрел на ветряки, а вечером на стриптизерок из амстердамских кабаре. Сырьевиков это в общем#то устраивало, потому что незачем нашим Сырьевикам альтернативная энергия. И проект скатился с горки на тормозах, а Валерка, приобретший бесценный опыт в Амстердаме, взялся устраивать отечественный Лас – Вегас в Калининграде и Керчи.

Тут ситуация обернулась серьезом, потому что владельцы казино, это не зеленые энергетика, а страсти людские, это не ласковое Солнышко, которое светит всегда. После полугода плодотворной деятельности Валерки комиссия, возглавляемая лично Отцом, прибыла в зоны для азартных игр, расхваленные на весь мир Папой. Отец был тверд и суров, говорят, он едет возглавлять комиссию, когда нервов не хватает управлять страной.

Валерка слетел, но был тут же подобран отеческой рукой. Чисто в качестве фиги в Папину сторону опальный казиностроитель получил в свои руки новехонький завод беспилотных летательных аппаратов⁴.

Тот продержался полгода, но вынужден был остановить конвейер, когда оказалось, что молодой директор, обретший за время своей полезной деятельности две привычки – к дорогим сигарам, и к голубым галстукам, велел свернуть сборку беспилотников – шпионов, и изыскать возможность разбрызгивания отравляющих веществ над потенциальным про-

⁴ <http://www.rosbalt.ru/2008/05/18/484924.html>... «Представляется, что принципиально неверно обсуждать беспилотные авиационные комплексы вообще, объединяя их только по признаку отсутствия пилота на борту летательного аппарата, – пояснял в одной из своих статей главный конструктор НПКЦ «Новик – XXI век» Николай Чистяков. – Слишком разнообразны такие комплексы и области их применения. Никто ведь не рассматривает одновременно ракетные комплексы РВСН, ПВО, ВМФ, СВ, гранатометы и салютные установки только на основе общности принципа реактивного движения снаряда»... Первыми серийными дистанционно пилотируемыми аппаратами стали в 1930-е годы самолеты – мишени. К концу Второй мировой войны твердо заявили о себе управляемые ракеты «ФАУ». Американцы в небе над Северным Вьетнамом, Китае, Кубой применяли модификации БЛА AQM-34, созданного на базе реактивной воздушной мишени «Файерби». В ходе вьетнамской войны американские аппараты запускались 3 435 раз и в 2 873 случаях добыли ценную информацию..... По другим данным, во время первой чеченской войны российская армия использовала всего 5 комплексов, а количество совершенных вылетов не шло ни в какое сравнение с применением БПЛА странами НАТО или Израилем..... Еще 8 августа 2007 года главком ВВС РФ генерал – полковник Александр Зелин заявил, что к 2011 году на вооружение ВВС России поступят современные беспилотные летательные аппараты различных типов, включая ударные...

тивником. Что запрещено международной конвенцией еще сразу же после Первой мировой войны.

Что делать, если Василь Аксеныч читал своим подопечным на ночь книжку «Защита бойца Красной Армии от химического оружия», сорок восьмого года выпуска.

Отец и Папа, временно прекратив взаимоподначки, рассказали друг другу один про казино, возродившиеся как фениксы из пепла прокета игровых зон, другой про самолеты с ядом, вместо самолетов с высокоточными фотокамерами. Валерка получил месячный отпуск и растворился в воздухе вместе со своими галстуками.

Зря бы я лез через окно. Валерка Бондарь и так еще не проснулся, лежал поперек дивана в одном из своих бежевых костюмов. На лацкане его сиял значок с триколором и самолетиком, похожим на могильный крестик. Полные щеки вздрагивали в такт дыханию. Короче говоря, утро поручика Ржевского.

– Здорово, майор! – сказал он, не открывая глаз, когда я раздернул шторы на окнах.

Знает, что я не терплю фамильярности, потому так и выразился, делая вид, что забыл мое звание. Я включил кондиционер, чтобы проветрить комнату от запаха сигар и перегара, после чего вежливо ответил:

– Привет, мажор...

Он тут же сел и уставился на меня круглыми, рыбьими глазами. Обиды там не было, только искреннее недоумение:

– Я всего в жизни добился собственными усилиями! – сообщил он мне голосом Василь Аксеныча.

Угу. Однажды я говорил с профессором Сорбонны Жаном Ланкри. Профессор не стал бы мне врать, поскольку находился в тот момент в заложниках у группы маоистов, захвативших его прямо на лекции. Так случилось, что мы с Принцем случайно сидели в той же аудитории и имели при себе код дезактивации к адской машине, что лихорадочно пытались активировать террористы. Так вот, скучая, я назвал профессору Ван Хаартману фамилию Бондарь. И месье Ланкри побледнел. И месье покраснел, сжав кулаки, и чуть не уничтожил на месте главаря террористов, бормоча «блат, звонки, мафия, нефтедоллары, бездарность, сдохнуть от всего этого можно».

– У меня фамилия даже другая! – сказал Бондарь, глядя на меня все более проснувшимся взглядом: – и экзамены я всегда сдавал на общих основаниях. Откуда им знать? Ну если кто когда и звонил кому#то, то без моего ведома...

У первой Папиной жены, с которой они развелись, когда Папа еще не был Папой, имелся брат. И этот брат был беспутный и бестолковый. Но поскольку первая жена тоже была бестолковой и беспутной, Папа испытывает какую#то смутную нежность к Валерке. Но сейчас Папа зол, на то, что Валерка взялся за проект инновационников с беспилотными аппаратами, и вдвойне Папа зол за то, что Валерка проект провалил.

– Да это твой Принц – мажор! – кипятился тем временем Валерка: – да это ты сам мажор, секретарь, денщик заурядный. Обзывать каждый может с утра пораньше. А ты попробуй, возглавь национальный проект...

Валерке еще никто не поручал национальных проектов, но это его заветная мечта. С наивностью дошкольника он надеется, что на столь высоком посту Тамара немедленно оценит его и поймет, что государственного человека нельзя даже сравнивать с каким#то заумным бродягой, который и на родине#то почти не живет, а шлындает по миру в поисках приключений.

Но Девушки из клана Сырьевиков не влюбляются в Сырьевиков. Еще Шекспир заметил, что Инновационники им как#то ближе, особенно те, которые плевали на свои широкие возможности на поприще национальных проектов и внедрения инноваций, а преимуще-

ственно лазают по зарубежным скалам, но зато при встрече неизменно произносят: «Здрасте, джентльмены».

Тут я вспомнил, что успел прослушать утром только последнее послание Тамары на автоответчике. Это конечно непростительная оплошность, даже если учесть пневмопочту с трудами профессора Курамова, и три часа сна. Кто-то звонил около четырех. Но я полностью доверился автоответчику. Укатала полковника Вихоря секретарская работа. Так чего злиться на Валерку за его «денщика»? Прав он.

– У меня к тебе, небольшое дельце, Сережа, – закончил Валерка свою ругань и перешел на просительный тон. – Папа с Отцом запускают новый совместный Национальный проект по освоению Российского Заполярья. Они наверное с тобой посоветуются и Принцу предложат. И Принц опять, как всегда, откажется. Так вот не мог бы ты...

В углу комнаты ожил большой экран. Такой же большой, как у меня в кабинете, только висел он здесь не над столом, а вместо трюмо над столиком, где удобно красить ногти и подводить глаза. Все-таки апартаменты принадлежали первой невесте государства, а влюбленный в эту невесту седьмая вода на киселе здесь вообще обретаться не должен.

– Папа звонит, – сказал я: – вруби экран, Валера.

Валера заметался. Он сначала стащил мятый белый пиджак и запихнул его под сбившуюся простыню, хотел снять и галстук, но не решился, поправил его из-под левого уха под правое, сделал шаг к двери, да так и застыл, с непатриотичным ужасом глядя на российский триколор, отчетливо проступающий на экране. Папа любит обставлять свое появление помпезно, с коврами дорожками, фанфарами и штандартами. Все-таки хорошо, что я работаю на Отца, который, как и любой офицер разведки, ценит время, свое и чужое.

– Да иди ты в столовку, – посоветовал я Валерке из чистой гуманности: – я с Папой сам поговорю.

– Спасибо, Сереж! – с похмелья Бондарь сориентировался на удивление быстро и, подхватив в охапку пиджак вместе с простыней, мгновенно исчез.

Ну, ничего, Лотта Карловна перед тем, как угостить карпиками, сделает ему выговор за внешний вид, и выражения там будут покрепче «мажора».

Монитор окончательно вышел из спящего состояния, и электронная полифония заиграла приятную на слух мелодию «Папа может, Папа может все, что угодно...». В общем это даже трогательно. Дочка для него, наверное, навсегда останется маленькой темноволосой девочкой, которая тянет за рукав, и канючит, канючит «Порше – кайен».

– Доброе утро, фиалка – Тамарка! – игриво сказал мне с экрана государственный человек номер два. Звучало это тем более жутко, что его мясистые щеки тонули в костюме синего цвета, того любимого покроя, в котором я Папу неоднократно видел во время разносов, учиняемых министрам, Государственной Думе, или отряду краповых беретов. Впечатление такое, что с тобой пытается сюсюкать Царь – пушка.

– Здравствуйте, Папа, – по – армейски отрапортовал я. – Это не фиалка – Тамарка. Доброе утро.

– Вихрь? – спросил Папа тоном выше. Он удивительно легко переходит на тон ревнивого Отелло, обнаружившего в будуаре возлюбленной батальон посторонних. Возлюбленной дочери в данном случае.

– Так точно! – рывкнул я, приложив руки к бедрам и изо всех сил щелкая пятками кроссовок: – После пробуждения, умывания и зарядки пациенты пансионата находятся на завтраке в столовой. Уборку помещений осуществляет дневальный Вихорь!

Папа никогда не служил в армии и всегда радуется, узнав, что его дети не отстали от Принца хотя бы по времени пробуждения.

– Пусть едят, – с ноткой благодушия разрешил он. Осмотрел меня через экран так внимательно, как будто видел впервые, и сказал: – я, в общем#то Вихрь, с тобой и хотел посоветоваться. Есть одна проблема.

Горе мне. Великая мне печаль. Эту просьбу мне точно придется передавать Принцу. А где сейчас Принц? А в загуле сейчас Принц. Последний раз, когда мы говорили по спутнику, он был в Тибете. Но судя по тому, что мне позарез надо редактировать книгу профессора Курамова, Тибет Принц уже покинул, и шляется черт знает где.

– Пойми меня, Вихрь. Я ведь тоже... – Папа явно нацелился проговорить «Я тоже отец», но инстинктивно содрогнулся, сглотнул и даже обернулся по сторонам. Проклятая двусмысленность, приходится начать сначала, – Ты пойми, фиалка у меня одна...

Это Тамарка у него одна. Потом он скажет, что Северный национальный проект у него тоже один.

– Оставьте ее в покое, Вихрь!

– Я?

– Не ты лично, Вихрь. Я про того, до кого вечно не дозвониться! Я к тебе обращаюсь, как к офицеру.

Ну, не могу я. Вы как хотите, но я совершенно не могу объяснять пожилому человеку, что его дочка сама, совершенно сама, не дает проходу Принцу. Не могу, пусть даже этот пожилой человек – Папа, глава Сырьевиков, и гроза министров, человек, чье неосторожное слово обрушивает рынки и начинает войны.

Потому что если я начну, то обязательно скажу, что в те далекие времена, когда Отец и Папа были всего навсего чиновниками Петербургской администрации и дружили семьями, и ходили в гости друг к другу, так вот уже тогда не надо было вытаскивать детей из угла, где они отлично строят пирамидку из кубиков, ставить на табурет, и подвыпившими голосами горланить: «Жених и невеста!». Потому что сказанное в детстве, сказано на всю жизнь. Это мы уже все позабывали. А у дочки отличная память.

– Надеюсь, Вихрь, ты меня понял? – и, не дожидаясь ответа: – теперь о Северном проекте. Он у нас один... И тут я хочу посоветоваться. Ты, Вихрь, ближе по возрасту, ты неплохой психолог, ты сможешь оценить, разумно ли поручить молодому человеку возглавить...

Батюшки, матушки. Давно ведь уже все переговорено. Принц не интересуется властным ресурсом. Валерка интересуется, но редкий раздолбай.

– Так ты подумай на эту тему, Вихрь. Пошевели мозгами. Прозондируй почву. Я тебе доверяю, Вихрь.

Я подумал, что если кому доверяешь, неплохо бы правильно фамилию выговаривать, но вслух этого конечно не сказал. Я прозондирую, Папа. Я сегодня же прозондирую, если найду способ хоть как#то уговорить Принца вернуться из его затянувшихся странствий. Сюда, в нашу милую Беларусь, где солнце уже подбирается к зениту, где косули доверчиво выходят из леса, и где не скрыться не спрятаться от мышинной возни, которую они там, на самом верху называю Большой Политикой. Вы думаете отчего впадают в тоску дети высокопоставленных родителей? И уматывают, кто в Тибет, а кто вон, в Питер по ночным клубам несчастную любовь кальянами глушить.

Я помахал рукой триколору на экране и дистанционно вызвал автоответчик в своей спальне. Может, те, у кого родители покруче, имеют право впадать в депрессию, безнадежно влюбляться и уходить в запой. Еще бы, они всего в жизни сами добились. А мажору Вихрю надо встряхнуться и работать.

– Джентльмены, здрасте!..

– Алло, – ответил записанный на жесткий диск хриплый и осторожный голос, который я слышу впервые в жизни, – Я собственно, Сергеем звонил. Тут его телефон. Но, неважно. Так даже лучше. Принц. Ты меня наверное не помнишь. А мне помощь нужна. То есть не

мне уже, а ей. Помоги ей, Принц. Я понимаю, это для тебя ерунда, школьные воспоминания. Одноклассники и все такое. Но ты помоги. – наступила тишина, только слышался хруст, то ли кто-то идет по снегу, то ли кого-то жуют волки: – А еще, я наверное скажу тебе. Потому что некому больше. Этот снегопад – последний. Совсем последний. Ты не думай, что я спятил, Принц, и ты Серега, не думай. Я сейчас все объясню. Это гибель, Сергей. Это опасность для всех. Армагеддон, – незнакомый голос хмыкнул, смущенный собственным пафосом, и тут же связь прервалась. Только шумели атмосферные разряды. Сильно, как будто рация попала в зону глушения коротковолнового излучения.

Пожалуй, Принц, все-таки вылезет из своего Тибета.

Глава 5

На краю земли. Пыльные бури

Выдержки из сетевого дневника (блога), расположенного на сайте Journal_of_journals.com (ЖЖ).

Тема: ТРЯМ, ЗДРАВСТВУЙТЕ.

Пишет EdelVerka.

Всю ночь под окнами рокочут вертолетные винты...

Здравствуйте все, кто меня еще помнит. Вот и начинается новый этап моей сетевой жизни. Я снова решила завести Интернет – журнал и на этот раз надеюсь его не бросить. Прежний мой журнал «Невеста Робин – Гуда» я закрыла, потому что мне так хочется. Все кросспосты теперь можно прописать здесь. И все, кто меня помнит, тоже могут приходить сюда, в журнал «На краю земли».

Mamulek пишет.

Привет тебе, доченька, на далекой пограничной заставе. Ты меняешь Журнал, и это правильно. Человек не стоит на месте, он развивается.

Fregat пишет.

РазвЕвается.

Mamulek пишет.

РазвЕЕвается. По ветру. В основном после кремации.;

Пишет EdelVerka.

Наверное, я какая#нибудь сволочь, если судить по числу оставшихся у меня друзей. А ведь где#то далеко, в больших городах живут юзеры, у которых во френдленте сотни и тысячи. Я скатилась с десятка френдов, бывших у меня в журнале к свадьбе, до двух, самых верных. Mamulek и, конечно, Fregat меня не оставят никогда, спасибо им за все. А вот 4udestnaja и ham – это особый разговор. Это люди, с которыми пережито все, что можно пережить в Журнале. Спасибо вам, родные.

Даже не верится, что прошло всего полгода с тех пор, как я, радостная и полная надежд, ехала «на границу, помогать любимому ловить браконьеров».

Fregat пишет.

Строго говоря, прошло пять месяцев и две недели. Я думаю, что зимний авитаминоз переносится одинаково тяжело и в первопрестольной и в прикаспийской степи. Подговори мужа конфисковать у злодеев пару осетров! Они – источник витаминов.

Mamulek пишет.

Не слушай Fregata, дочка. Он тебе насовещует на счастливую семейную жизнь. Берегите природу, мать вашу, и осетров, детей ее.

4udestnaja пишет.

Привет, Верка, рада, что все у тебя хорошо. Что#то давно тебя нет в моем ЖЖ. Я такую фотку Брэда Пита в сети накопила, ты увидишь. Целый день на него одного смотрю. Ты понимаешь?

EdelVerka пишет.

Спасибо тебе, подруга за уверенность в том, что все у меня хорошо. Гreet.

4udestnaja пишет.

Эдельвейка никуда не пропадет! На самделе я сразу поняла, что у тебя депресняк. У меня тоже утром был депресняк. Потому и советую фотку.

Нам пишет,

Здорово всем! А у меня назавтра опять выставка на Крымском валу. Заходите, кто не очень занят.

4udestnaja пишет,

Павлик, ты что, с дуба рухнул? Как я могу зайти на Крымский вал, когда живу в Питере? Удивительная ты все#таки скотина. Ни здрасте, ни досвиданья, заходите на выставку. Одно слово, художник, мужик, Нам %()

Нам пишет,

Тоже тебя люблю:)

EdelVerka пишет,

Спасибо, Паша.

Тема: ВОТ ТАКИЕ ОСЕТРЫ.

Пишет EdelVerka.

Опять не сомкнуть глаз. Вертолет МИ-6 производит шум в 120 децибел даже на холостом ходу.

Я, пожалуй, потихоньку начну вам рассказывать про местную жизнь. В шесть утра жена начальника заставы просыпается от рева нескольких винтокрылых машин, они взлетают и уносятся в неизвестном направлении. Кровать начальника заставы аккуратно заправлена байковым одеялом, подушка не смята. Мой Робин Гуд опять не ложился.

За одним окошком у меня степь, похожая на неубранное капустное поле, за другим два ангара из гофрированного алюминия. Командир вертолетной эскадрильи погранотряда, Саша Лыхмус, ковыляет по взлетно – посадочной полосе. Где#то там, за горизонтом красношерстной верблюдицей разгорается заря, но ее пока не видно.

Fregat пишет.

Доброй ночи. Тоже не спишь? У меня как раз ночное бдение над рефератом. Давным давно в училище, нам навигацию преподавал Карл Сергеевич Лыхмус. Может, родственник?

Когда Василий вернется с охоты, не забудь отобрать у него осетра и скальп браконьера мне на сувенир.

EdelVerka пишет.

Если б ты знал, Фрегатик, насколько твоя шутка далека от правды. Ни о каких браконьерах речи не идет. Я, конечно, сама виновата, что вы так представляете мою жизнь. Жена

мужественного таможенника, белый домик на берегу синего моря посреди жаркой пустыни. Бадейка с икрой и павлины во дворе. Короче «Невеста Робин Гуда»

Все не так. Я даже не знаю, куда он летает каждое утро.

Fregat пишет

Секретные миссии – это даже интереснее.

EdelVerka пишет.

Мой Робин Гуд, офицер пограничных войск, Василий Семенович Чагин тебе бы возразил: «У нас тут не кино, а работа». Я как#то до сих пор не могу привыкнуть к тому, что меня зовут Вероника Чагина.

За полгода я 2 раза видела Каспийское море. И оба раза шел град.

Пишет EdelVerka.

Восемь утра. Вертолеты вернулись. С одного сошел офицер Чагин, с другого какой#то несчастный парнишка. Длинноволосый и пришибленный. Это удивительно, хотя брюнет и довольно высокий, но совершенно не мой тип. Наверное потому, что слишком мил. У меня вообще нехорошее предчувствие, что это беглый новобранец. Мне очень неприятно думать, что у нас здесь еще и тюрьма для дезертиров.

Заря за окошком нехотя разгорается, освещая роскошное убранство офицерской спальни. Две кровати на ножках, письменный стол, накрытый стеклом, торшер и неровно прибитый к стене интернет – кабель.

Посмотрела по карте, они даже летали не в сторону моря. Черт, трудно поверить, что, готовясь к свадьбе, я тайком бегала в тир, училась стрелять из пневматической винтовки, надеясь, что меня возьмут на задержание. Даже представляла, как отпускаю маленьких осетров обратно в воду. Что за дура я была тогда!

Mamulek пишет.

Кофе свари, полегчает. Я варю. А Fregat вот всю ночь работает на голом энтузиазме. Так что не мы одни дуры в этом мире.

Fregat пишет.

Я попросил бы!

Нам пишет,

Это прикольно, я представил – отпускаешь осетра в воду, потом берешь винтовку, не зря же тренировалась и – бац! Вся в икре.

Ребята, если не трудно, дайте объяву по своим френдам. Про выставку. Крымский вал, 16.

Пишет EdelVerka.

Девять сорок пять утра. Через пятнадцать минут завтрак в офицерской столовой. Можно даже не ходить, все известно заранее. Поскольку четверг, сегодня будут рыбные тефтельки с кетчупом, который называют почему#то «польский соус». Слева от меня будет сидеть жена Саши Лыхмуса, дальше сам Саша. Он – славный парень, но у него мягкие льняные волосы и такой же мягкий характер. Типичный случай подкаблучника. Командир эскадры наверняка не придет, сославшись на необходимость ремонта винта на мониторе. Зато припрется этот неприятный, потный, лысенький Илья из рыбоохраны, он что#то зачистил. Единственный на заставе телевизор: черно – белый и показывает ужасно перекошен-

ные лица каких-то казахов в пиджаках, читающих новости с сильным акцентом. Потому что 1 канал ловится еще хуже.

Первая леди пограничной заставы переодевается к завтраку.

Fregat пишет.

У вас там целая эскадра есть? И ты еще жалуешься на отсутствие романтики? А ветер странствий?

Mamulek пишет.

Я одного не понимаю, долго ли поменять винт на мониторе? Завтрак пропускать? У вас там дефицит отверток?

Fregat пишет,

Монитор, это такой кораблик, для плаванья по рекам. У него есть винт.

EdelVerka пишет,

Да, это кораблик. А еще есть два катерочка. Вот такая эскадра.

Mamulek пишет.

Терпи, коза. Есть же интернет – ТВ. Не в каменном веке живем.

Пишет EdelVerka.

Некоторое разнообразие завтраку придало многолюдное общество:). То есть, винт не сломался, и капитан (он мичман на самом деле, но поскольку эскадра, то капитан) Филимонов озарил наше общество запахом солянки и табака. Мало того. По другую сторону стола на обычно пустующем кресле сидел тот самый брюнетик, которого привезли на вертолете. От сердца у меня отлегло, он не дезертир. И, кстати, я не могу понять, сколько ему лет. Терпеть не могу, когда на меня пялятся через стол какой-нибудь малолетка, а посмотришь на него, глаза прячет. Так вот сегодня ничего такого и близко не было. Гость совершенно спокойно первым обратился ко мне «передайте, пожалуйста, соль», а поливая кетчупом тефтели, добавил «приятного аппетита, джентльмены и леди».

Я, честно говоря, отвыкла уже от правил этикета. Правда, одет неважно. Разумеется, офицер Чагин, мой дорогой муж, не подумал мне представить гостя. У Чагина как всегда строгое лицо, и взгляд человека, мысленно охотящегося на браконьеров. Вот ссылка на мой предыдущий журнал «Невеста Робин Гуда», там про этот взгляд подробнее.

Тефтели остались тефтелями, а кетчуп кетчупом. А совсем не польским соусом.

Fregat пишет.

Вот ссылка на рецепты двадцати лучших соусов мира. Тефтели, надеюсь, из осетрины?

4udestnaja пишет,

Привет, всем, доброе утро, потягушеньки.

Верка, не верь брюнетам. Из всего мужского стада, эта тварь с самым холодным носом. Мифы об их страстности, придумали они сами. Голый расчет, готовность предать, жестокость ради жестокости. Вот, что такое брюнет.

Mamulek пишет,

Извини, 4udestnaja, а твой Игорек не брюнет часом? На фотках выглядит.

4udestnaja пишет,

Здрасте приехали. Что за «мой» Игорек? Если ты про KabanPyatak, так мы уже два месяца разъехались с этой сволочью.

Mamulek пишет,

Тогда ясно. Просто не знала.

4udestnaja пишет,

а френдленту глянуть слабо? Не зря же его там нет? Как думаешь?

Тема: 10 ФРАЗ, КОТОРЫЕ Я НИКОГДА В ЖИЗНИ НЕ ХОЧУ БОЛЬШЕ СЛЫШАТЬ.

Пишет EdelVerka.

1. У нас здесь не кино, а работа.
2. Не трогай документы, Вероника, перепутаешь.
3. Не нужно разговаривать с посторонними на территории заставы.
4. Куда ты пошла, Вероника? В туалет – ладно, иди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.